

Трон Теней ждет свою королеву...

ЭТИ СПУТАННЫЕ УЗЫ

18+

ЛЕКСИ РАЙАН

ДЛЯ ВСЕХ ПОКЛОННИКОВ ХОЛЛИ БЛЭК И САРЫ МААС!

Лекси Райан

Эти спутанные узы

Серия «Young Adult.

Наследница фейри»

Серия «Эти лживые клятвы», книга 2

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68012779*

Эти спутанные узы: Эксмо; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-174013-9

Аннотация

За воротами замка восходит солнце, но Золотой дворец окутан вуалью ночи. Бри стала той, кого так долго презирала и с кем обещала никогда не связывать свою жизнь. Теперь она фейри, в груди которой бьется бессмертное сердце. Тот, кто клялся в любви и верности, оказался предателем и использовал наследницу, чтобы украсть корону Неблагого двора. Отныне Себастьян – истинный принц. Но без силы, что все еще течет по венам Бри, юноша не может занять трон Теней и стать полноправным королем.

Когда девушка выясняет, что королевство Неблагих может погибнуть, она отправляется к великой жрице, которая поможет отыскать королеву Неблагих и спасти Двор. Становится ясно,

что древние пророчества не лгут, а Бри предстоит сыграть
уготовленную для нее роль в судьбе царства фейри.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	25
Глава 3	39
Глава 4	64
Глава 5	81
Глава 6	99
Глава 7	123
Глава 8	145
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Лекси Райан

Эти спутанные узы

Посвящение
Посвящается Аарону —
который нарисовал карту и благодаря которому
появилась вторая часть этой дилогии

Lexi Ryan
These Twisted Bonds

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2022 by Ever After, LLC

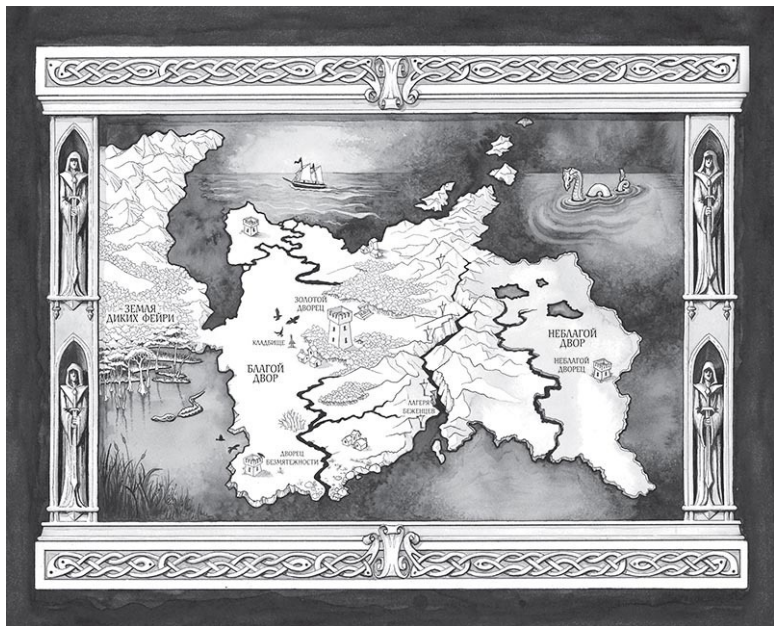
Published by special arrangement with Houghton Mifflin
Harcourt Publishing Company

Map copyright © 2021 by Aaron Stratton

© Лидман М., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

* * *

Глава 1

За дворцовыми воротами поднимается солнце и слышно пение птиц, но Золотой дворец окутан покрывалом ночи.

Моей ночи. Моей темноты. Моей силы.

Я самозабвенно выплескиваю волны магии во все стороны, заманивая в ловушку тех, кто осмеливается меня преследовать. Темнота тянется за мной, словно шлейф изысканного свадебного платья. Но я – не чья-то невеста.

Больше я не поведусь на сладкую ложь и не позволю собой манипулировать. Себастьян предал меня. Они все меня предали, но его двуличие ранит сильнее всего. Тот, кто должен был меня любить и защищать, использовал меня, чтобы украсть корону Неблагого двора.

Кровь в моих венах вскипает от злости, и я чувствую, как эта ярость подпитывает мою силу.

Я бегу – и не останавливаюсь, даже когда чувствую, что бегу по острому гравию. Босые ступни жжет от впивающихся в кожу острых камней, но я рада этой боли и концентрируюсь на ней. Только так у меня получается не обращать внимания на другие чувства – на тоску и разочарование, которые принадлежат тому, кого я люблю. Тому, с кем я навсегда связана. Тому, кто солгал мне, кто меня предал.

Я не хочу его чувствовать. Не хочу знать, что после моего ухода его сердце все равно что треснуло напополам, что, по-

теряв меня, он находится в полном отчаянии. Не хочу понимать, что он оказался в ловушке своего долга, не хочу чувствовать, как он жалеет о случившемся. Но я это знаю. Знаю из-за уз, которые связывают наши души.

Себастьян предал меня ради короны. Он получил что хотел, а я стала тем, кого так долго презирала.

Фейри. Бессмертной.

Я бегу – и с каждым шагом все четче осознаю, в каком затруднительном положении оказалась.

Я босая. В ночной рубашке. Далеко мне в таком виде не уйти. Но я не допущу, чтобы меня поймали.

Я возвращаюсь к конюшням. Толкнув деревянные двери, я вижу, как расширяются глаза мальчика-конюха. Его взгляд прикован к развевающемуся позади меня грозному шлейфу темноты, готовой окутать все вокруг.

Конюх молод, у него светлые волосы, ярко-голубые глаза и заостренные уши. Я уже его видела – когда заходила в конюшни перед прогулками по дворцовым территориям. Тогда я думала, что здесь я в безопасности, верила, что Себастьян любит меня искренне и бескорыстно.

– Снимай сапоги, – говорю я, высоко подняв голову.

– Са... са... – заикается он, бросая взгляд в сторону окутанного в темноту дворца и полной разрухи, которая царит позади меня.

– Сапоги! Живо!

Не сводя с меня широко раскрытых от испуга глаз, конюх

развязывает свои сапоги и бросает их к моим ногам.

– Теперь лошадь, – командую я, надевая его обувь.

Немного великоваты – но сойдут. Я затягиваю шнурки и завязываю их вокруг лодыжек.

Его взгляд снова устремляется ко дворцу, и я выбрасываю еще одну вспышку силы. Ночь начинает зловеще пульсировать. Когда конюх выводит из конюшни белую кобылу, его руки заметно дрожат.

– Ч... что происходит, м... м... миледи?

Я игнорирую его вопрос и киваю на темный пояс с ножами, пристегнутый к его талии:

– И ремень с ножами.

Он расстегивает ремень и позволяет ему упасть на пол. Я быстро хватаю его за пряжку, затягиваю у себя на поясе и вскакиваю на лошадь.

– Спасибо, – говорю я, но мальчик съеживается, как будто ожидает, что я его зарезу его же собственными ножами. От страха конюха у меня во рту остается неприятное послевкусие.

Вот, получается, кем я стала?

Вот кем меня сделал Себастьян.

Я не могу выбросить эти мысли из головы, когда вывожу из конюшни лошадь, думаю об этом, выпрямляясь в седле.

И тут мне в грудь словно вонзили крюк. Такая сладкая боль, такая отчаянная мольба вернуться во дворец.

Вернуться к Себастьяну.

Со стороны лужайки разносятся крики. Мой новый слух намного острее человеческого, и я слышу, что в замке творится полный хаос – возня, крики, топот бегущих в мою сторону ног.

Крики становятся ближе. Моя магия ослабла; покрывало моей темноты окутывает их не так плотно.

Я вонзаю пятки в бока лошади. Она срывается с места и мчится вперед, а я держусь за нее изо всех сил.

«Вернись».

Я не столько слышу эти слова, сколько чувствую их, чувствую боль, которая обжигает мою грудь и проникает в кости.

«Ты нужна мне. Вернись ко мне».

При напоминании об узах, что я заключила с Себастьяном, я подталкиваю лошадь и скачу ещё быстрее. Не знаю, смогу ли я сбежать от этой связи, получится ли приглушить его страдания и душевную боль одним только расстоянием.

Но я попытаюсь.

* * *

– Хочу снять комнату на ночь, – говорю я трактирщице, стоящей за стойкой в захудалой таверне.

Голос у меня хриплый, а все тело ломит от усталости.

Я не знаю, где я и сколько проехала. Знаю только, что мчалась от дворца так быстро, как только могла. Я погоняла

лошадь, проезжая деревни и фермы, пока была в состоянии удержаться в седле.

В подростковом возрасте я особо не ездила верхом, не говоря о том, чтобы проводить столько времени в седле. И уж тем более мне не доводилось ездить по такой горной местности, какую мне довелось пересечь за последние несколько часов. Когда я передавала поводья местному конюху, мои ноги гудели от боли.

Фейри за стойкой поджимает губы и бросает на меня холодный взгляд голубых глаз. Так обычно смотрят люди, на долю которых пришлась тяжелая жизнь. Представляю, какое перед ней открывается зрелище. На моей белой ночной рубашке осел толстый слой грунтовой дорожной пыли, лицо у меня, уверена, выглядит ненамного лучше. Мои рыжие, до плеч, волосы стали грязными и спутались, а губы пересохли от жажды.

– Я не занимаюсь благотворительностью, – бормочет она, оглядев меня с головы до ног, и отворачивается, чтобы обслужить более многообещающего клиента.

Я бросаю на стойку мешочек с монетами. Мои старые воровские привычки сослужили мне хорошую службу. Это золото фейри мне любезно предоставил пьяный орк, которого я повстречала в таверне в часе езды к западу отсюда. Изначально я планировала переночевать там. Орк заметил, что я направляюсь в туалет, и решил, что меня можно зажать там и облапать. Я была измотана, но все же мне хватило сил, что-

бы окутать его такой глубокой темнотой, что он плакал, как ребенок, умоляя его отпустить.

Трактирщица открывает мешочек и заглядывает внутрь – и ее измученные глаза на мгновение вспыхивают. Ее губы кривятся в торжествующей усмешке, а выражение лица меняется.

– Этого хватит, – говорит она, кладя ключ на стойку. – Второй этаж, последняя дверь слева. Я попрошу горничную принести тебе воды помыться.

Я ничего не знаю о деньгах фейри – сколько они стоят, что можно купить на одну из сверкающих золотых монет, – но я явно передала ей внушительную сумму, а она явно пытается меня обдурить. Я поднимаю бровь.

– Еще мне будет нужен ужин.

Она быстро кивает.

– Конечно.

Слишком просто.

– И какая-нибудь одежда. Брюки и рубашка. Ни в коем случае не платье.

Она задумчиво кривит подернутые морщинами губы.

– Я не продаю одежду, а магазин портного ночью закрыт.

Под моим тяжелым взглядом она вздыхает.

– Но... – она оглядывает меня. – Наверное, тебе подойдет что-нибудь из моих вещей. Я подошью их.

Я киваю в знак благодарности и сажусь на табурет. Мои ноги так трясутся, что я сомневаюсь, что смогу простоять

ещё хотя бы мгновение.

– Я поем здесь.

Трактирщица убирает мешочек и грубо кричит маленькому ребенку, чтобы он принес мне ужин. Он убегает, опустив голову. Когда она снова переводит на меня свои холодные глаза, то смотрит оценивающе.

– Откуда ты? – спрашивает она.

Я смеюсь, но я так устала, что больше кажется, что кряхчу.

– Вы этого места не знаете.

Она поднимает бровь.

– Я знаю большую часть мест. Во время войны мне довелось пожить даже во дворе теней.

Я просто пожимаю плечами. Она слишком сильно хочет получить эти монеты и не будет настаивать на ответе.

– Да так, там нет ничего особенного.

Она принохивается, и я задаюсь вопросом, что она чувствует. Я все еще пахну как человек, несмотря на то что стала фэйри? Чувствует ли она, что от меня пахнет дворцом? Органы чувств работают безупречно, но за те короткие часы, что я провела в этом трансформированном теле, я обнаружила, что обостренное восприятие каждого звука, образа и запаха меня отвлекает. Все это слишком ошеломляет, чтобы приносить хоть какую-то пользу.

Ребенок бесшумно возвращается в комнату. Трактирщица берет у него миску с тушеным мясом и тарелку с хлебом и ставит их передо мной.

– Пока ты не доставляешь мне неприятностей, мне ничего не нужно знать. Иногда так даже лучше. – Она наклоняет голову, чтобы поймать мой взгляд. – Понимаешь?

Я замираю, почти поднеся ко рту первую ложку тушеного мяса. Что, по ее мнению, она знает обо мне?

– Конечно.

Она резко кивает, затем идет вдоль стойки, чтобы помочь другому клиенту.

Я с трудом могу сидеть, но заставляю себя есть тушёное мясо. Даже с учётом того, что я много проехала верхом, я не должна была так устать. Но я совершенно вымотана. Было бы очень заманчиво сразу же, без ужина, отправиться к себе, забраться под одеяло и погрузиться в сон. Но я знаю, что для того, что меня ждёт, мне понадобятся силы.

А что именно меня ждёт?

Я заставляю себя выбросить этот вопрос из головы. Я не знаю, куда направляюсь и что буду делать. Мне нужно быть подальше от дворца – подальше от Себастьяна. Думать об остальном я сейчас не могу. Не могу думать о том, насколько я не готова быть одной в этой незнакомой стране. И уж точно не могу думать, что эти заостренные уши и недавно дарованное бессмертие означают, что я никогда не смогу поехать домой.

Что никогда не вернусь в Элору.

Никогда не смогу навестить сестру.

К стойке неторопливо подходит грузный орк. Он садится

рядом со мной. Он выше шести футов ростом, с плоским носом, черными глазами-бусинками и двумя большими нижними зубами, которые загибаются по обе стороны верхней губы. Как и все орки, он массивный и мускулистый, и просто сидя рядом с ним, я уже чувствую себя маленькой и хрупкой. Я опускаю голову, надеясь, что он меня не заметит. Час назад я столкнулась с одним из его сородичей и сейчас совсем не заинтересована в том, чтобы привлекать внимание этого орка.

– Эля? – спрашивает трактирщица, и ее поджатые губы вызывают у него улыбку.

– Да. И поесть. Ну и денек.

Она дергает за ручку крана и наливает ему напиток.

– Правда?

– К нечистым вернулись силы.

Нечистым?

Трактирщица смеется.

– Скажешь тоже.

– Нет, – качает головой он. – Это правда.

Она пожимает плечами.

– Если это значит, что ты снова сможешь причинять им вред, тебя это только порадует. – Судя по ее тону, она так ему и не поверила.

– Я не вру. Ночью в лагере для детей творился кромешный ад. Мелкие ублюдки убили десять моих людей, прежде чем мы поняли, что происходит. Мы восемнадцать часов ждали

партию инъекций.

Трактирщица вздрагивает.

– Не представляю, как можно вводить кому-то этот токсин.

– Легко. – Он изображает, как нажимает на поршень шприца.

Она качает головой.

– Мне вводили его во время войны, а я помню, каково это, до сих пор. Тогда мне казалось, что я умерла.

Когда Джалек был пленником в Золотом дворце, ему делали инъекции, которые блокировали его магию. Они об этом говорят? Это вещество и детям вводят?

Когда трактирщица поворачивается ко мне и выгибает бровь, я понимаю, что пялюсь на нее. Я снова опускаю голову.

– Я бы их убивал, – говорит орк, – но приказ есть приказ. Она хочет, чтобы мелкие ублюдки были живы.

Дети.

Он говорит о детях Неблагих в ее лагерях.

Все внутри меня закипает от ярости. Ненавижу их всех. Фейри – лжецы и манипуляторы. Если бы не их жестокость и политические интриги, сейчас я была бы дома с Джас, а не здесь. Я не была бы одна, у меня была бы какая-то цель. Вместо этого мое сердце разбито и я застряла в этом новом бессмертном теле, о котором никогда не просила.

Но дети? Хоть это и дети фейри, они ни в чем не виноваты.

Их отняли у родителей и отправили в лагерь – и все почему? Потому что два двора бесконечно борются за власть, пытаясь увеличить то, что и так было слишком большим. Это просто отвратительно.

Меня никогда не лишали свободы, но все свое детство я была связана несправедливым контрактом с кабальными условиями. Я не понаслышке знаю, каково быть сиротой. Знаю, каково это, когда у тебя крадут возможность выбора те, кто обладает настолько огромной властью, что их обуревают жажда еще большей наживы.

Трактирщица качает головой и ставит перед орком миску с едой.

– Значит, проклятие и правда снято?

– Да.

Она вздыхает.

– Мне жаль, что твои люди погибли. Тебе будет нужна комната?

Орк отправляет в рот полную ложку еды.

– Да. – Он даже не пытается жевать. – Я бы немного поспал перед тем, как возвращаться.

Трактирщица хватается за ключ с доски, висящей у нее за спиной, и бросает его на стойку.

– Сегодня вечером будь осторожнее, понял?

В ответ орк хмыкает и запикивает в рот ещё одну ложку тушеного мяса.

При мысли о том, что детям вводят токсин, который ли-

шает их магии, у меня скручивает живот. Детей сажают в лагерь. Он назвал их «нечистыми». Так говорят о заключённых или о Неблагих в целом? Кажется, я уже знаю ответ на этот вопрос, и от этого у меня внутри все вскипает от ярости.

Я заставляю себя доесть ужин, потому что мне нужна энергия, но у хлеба теперь привкус пепла, а тушеное мясо встаёт колом в горле.

После того как трактирщица убрала за мной посуду, я пью свою воду, пока орк доедает одну порцию мяса и получает вторую. Только когда он заканчивает есть и издает удовлетворенные звуки, я осушаю свой стакан.

– Можете налить ещё воды? Я возьму его с собой? – спрашиваю я, поднимая свой пустой стакан.

Трактирщица кивает и снова наполняет стакан.

Бросив последний взгляд на охранника, я иду к лестнице. Я кутаюсь в свои тени, плотно, чтобы никто из проходящих мимо посетителей меня не видел. Когда темнота касается моих измотанных нервов, мои веки тяжелеют, тело мое молит об отдыхе, но я сижу в тишине и жду. Я жду, пока, наконец, орк не появляется на лестнице и не поднимается вверх.

При свете свечей легко держаться в тени, а тяжелое дыхание орка заглушает любой звук моих собственных шагов. Он поднимается на второй этаж и направляется к двери через две от моей. Когда он открывает ее, я вижу, что она ведёт в коридор, а не в комнату.

Идеально.

Как только за ним закрывается дверь, я иду в свою комнату. Она маленькая, там темно и затхло, но там есть кровать и я вижу обещанные одежду и ведро с теплой водой. Я осушаю свой стакан, наполняю его мыльной водой и возвращаюсь в коридор. Я ставлю стакан прямо перед дверью орка, чтобы он опрокинулся, когда дверь откроется. Хотела бы я устроить более сложную ловушку с помощью своей магии, но я слишком неопытна и уверена, что не смогу удержать ее, пока буду спать.

Я измучена и нетерпелива, мои инстинкты находятся в состоянии боевой готовности. Отчасти мне хочется заснуть и никогда больше не просыпаться, отчасти – прямо сейчас отправиться спасать Неблагих детей. Но у меня нет ни малейшего представления, где они и что меня там ждет. К тому же мне отчаянно нужно поспать.

Я возвращаюсь в свою комнату, снимаю грязную ночную рубашку и тру кожу, пока ее не начинает покалывать.

Продолжая мыться, я смотрю на висящий у меня между грудей изумруд. Себастьян преподнес его мне на нашу церемонию заключения уз. Тогда я решила, что это такой продуманный подарок – украшение в тон платью, которое для меня сшила сестра, – но теперь это холодное напоминание о его предательстве. Меня так и подмывает сорвать камень с шеи и выбросить в мусорное ведро, но я подавляю этот порыв. У меня нет денег, и в будущем мне может понадобиться что-

нибудь, что можно будет продать.

Я провожу мочалкой по груди, пропуская участок кожи прямо над сердцем – татуировку с руной, знак того, что я всю жизнь буду суженой Себастьяна.

В последний раз я мылась всего сутки назад, но мне кажется, что с тех пор, как я готовилась к встрече с Себастьяном и нашей церемонии заключения уз, прошла целая жизнь. Тогда я была полна радостного предвкушения; теперь же я чувствую только жгучую боль предательства, постоянный плеск его эмоций, которые угрожают накрыть меня, как волны на разрушающейся дамбе.

«Я люблю тебя. Ты нужна мне. Прости меня».

Но прощение кажется таким же далеким и невозможным, как возвращение к моей жизни в мире людей. Став моим суженым, Себастьян лишил меня остатков способности доверять другим. Он заставил меня поверить, что хотел заключить узы, потому что любит меня. Я связала свою душу с его душой, чтобы он мог защитить меня от тех, кто хотел лишить меня жизни и украсть корону. И он позволил мне это сделать. Позволил заключить с ним узы, уговорил меня, скармливал тщательно отобранные кусочки правды в сочетании с аккуратной, соблазнительной ложью. Он забрал мои узы, хотя знал, что проклятие и его Неблагая кровь убьют меня, что мне придется принять зелье и стать фейри, чтобы выжить.

И все это он делал ради власти. Ради той самой короны, из-за которой он осуждал Финна и Мордеуса.

Себастьян ничем не лучше остальных, и теперь я его суженая. И буду ей вечно. Всю мою бессмертную жизнь. Я чувствую его, как будто он часть меня.

Я закрываюсь от всего. От его чувств. От моих.

Это чересчур. Слишком тяжелое бремя. Но при этом слишком легкое. Где-то там есть лагеря, настоящие, в которых детей запирают и накачивают наркотиками, чтобы королева могла достичь своих гнусных целей. Они – ни в чем не повинные дети, которые могут контролировать ситуацию не больше, чем могла я, когда подписывала контракт с мадам Ви, чтобы мы с Джас не оказались на улице.

Когда я узнала о лагерях, мне стало плохо. Финн рассказывал мне, что когда стражники золотой королевы ловили фейри теней на своих территориях, она отнимала детей у их родителей и помещала их в лагеря. Там она промывала им мозги – учила их, что Благие лучше, достойнее, и что Неблагие должны служить им.

Я нутром чувствовала, что эти лагеря – признак того, что золотым фейри нельзя доверять, но позволила Себастьяну успокоить меня сладкими речами и поверила, что он «выступает против» лагерей. Больше я не дам себя одурачить. Я не буду опускаться до уровня Себастьяна и заикливаться на своих собственных проблемах, когда действительно способна помочь. Я не буду такой, как он, не стану закрывать глаза на злодеяния его матери. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь этим детям – хотя бы потому, что это нарушит

планы Себастьяна и его матери.

Я застряла здесь. Я фейри. Но я не бессильна, и я никогда не буду такой, как они.

Я смертельно устала, и поэтому мне легко отгородиться от накрывающего меня потока мыслей. Я хочу уснуть вот так, чистая, на чистых простынях, но я заставляю себя надеть новую одежду. Я не хочу терять время на то, чтобы одеться, когда сработает ловушка. Мне нужно быть готовой к отъезду.

Я забираюсь в постель и засыпаю, едва моя голова касается подушки.

* * *

Мне снится темнота. Снится уютное одеяло сверкающих звезд. Снится голос Финна позади меня.

«Абриелла, каждая звезда на этом небе сияет для тебя»¹.

Трепет в моей груди превращается в хлопанье крыльев, и я лечу, парю в темном ночном небе. Мою ладонь сжимает крошечная ручка. Я даже не удивляюсь, когда оглядываюсь и вижу серебристые глаза Ларк и ее широкую улыбку. Племянница Финна и раньше приходила ко мне во сне, обычно чтобы о чем-нибудь меня предупредить или поделиться каким-то загадочным пророчеством. А сейчас я впервые понимаю, что это не сократит дни ее жизни. Проклятие золотой

¹ Цитата из первой книжки, с. 310.

королевы было снято в тот момент, когда ее сын получил корону Неблагого двора. Теперь фейри теней могут использовать свои силы, не жертвуя своим бессмертием.

Что ж, предательство Себастьяна принесло хоть какую-то пользу.

Серебряная паутина на лбу Ларк светится, когда мы летим по усыпанному звездами ночному небу. Но затем мы внезапно снижаемся, и мирное ночное небо исчезает. Мы находимся в каком-то лазарете. Вдоль стен выстроились ряды кроватей, на которых лежат спящие дети.

– Они кажутся такими безмятежными, – шепчу я.

Ларк кривит губы, размышляя.

– В смерти и правда есть определенная безмятежность. Но за ней последует смута – если ты это позволишь.

Я качаю головой:

– Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Дар Ларк – видеть будущее, но она никогда не показывала мне такого точного изображения, как это.

– Они ищут тебя, – говорит она, ее глаза блестят. – Тебе нужно вернуться домой. Ради детей. Ради двора.

Я качаю головой:

– У меня нет дома.

Единственный человек, которому на меня не плевать, это моя сестра, но она находится в королевстве, куда мне, фейри, вход теперь закрыт.

– Корона у Себастьяна. Мне очень жаль.

Она прижимает крошечный пальчик к моим губам и смотрит в темную ночь, на что-то у меня за спиной.

– Слушай.

Издали, из другого мира, доносится эхо крика.

– Пора.

Глава 2

Я слышу, как в коридоре кто-то кричит, вздрагиваю и просыпаюсь. Открывать глаза не хочется, тело ещё не слушается после сна. Я тянусь к Себастьяну, желая прижаться к его тёплому боку. Мне нужно, чтобы он утешил меня – утешал так долго, как это только возможно. Уже совсем скоро мне нужно будет вылезти из-под одеяла и... я резко сажусь на кровати.

В коридоре кто-то громко зовет горничную и что-то кричит про некомпетентность.

Через крошечное окошко в комнату проникает лунный свет. Все вокруг залито его серебристым сиянием. Он зовет меня, и если я закрою глаза, он снова усыпит меня своей песней.

Голова идёт кругом, мысли путаются, – а потом, резко, я все вспоминаю. Я не в Золотом дворце с мужчиной, которого люблю; я в захудалой гостинице в дне езды на восток. Я не сплю рядом с Себастьяном, а убегаю от него.

Я спрыгиваю с кровати, хватаю свою сумку, перекидываю ее через плечо и тихонько открываю дверь.

В коридоре орк с недовольным кряхтеньем возится со своими мокрыми штанами, свирепо глядя на опрокинутый стакан и лужу воды на полу.

Моя грубая ловушка сработала.

Опустив голову, чтобы скрыть улыбку, я поворачиваюсь к лестнице и иду в конюшни. На улице темно: звёзд на небе не видно, а луна спряталась за плотными облаками. В воздухе пахнет дождем. Я проспала грозу, или она только надвигается?

Услышав, что я подхожу, моя лошадь ржёт в знак приветствия. Я глажу ее по носу и воркую ей на ухо. Краем глаза поглядывая на дверь таверны, я накидываю на свою кобылку седло и вожусь с ремнями.

Когда дверь открывается и орк неуклюже топает в сторону конюшни, я опускаю голову. Я не хочу, чтобы он меня заметил. Орк забирает свою массивного коня, вскакивает на него, толкает в бока и скачет в ночь.

Незаметно подсмотрев, куда он поехал, я заставляю себя досчитать до тридцати, забираюсь на свою лошадь и еду к дороге. Отъехав подальше от конюшни, я закутываю себя и свою кобылку в тени, скрывая нас от взгляда любого, кто мог бы приехать мимо.

Мышцы сводит судорогой – напоминание о том, что вчера я слишком много времени провела в седле. Мне удалось поспать всего несколько часов; этого явно было недостаточно, чтобы восстановить силы, но должно хватить, чтобы продержаться на ногах. Вытирая слезящиеся, усталые глаза, я игнорирую боль, которая распространяется от моих бедер, вверх по позвоночнику и рукам.

Когда мы выезжаем на заросшую травой тропинку, орк

поднимает фонарь, чтобы осветить себе дорогу. Я держусь в стороне, позволяя плотному черному сумраку окружить меня, убаюкать, замаскировать – и составляю план.

Мы с Финном смогли вытащить Джалека из камеры без окон и дверей – а это было до того, как я выпила Зелье жизни. Теперь, когда я фейри, моей силе, кажется, не видно конца, я как будто черпаю из постоянно пополняющегося колодца. Раньше, чтобы найти ее, мне нужно было сосредоточиться, но сейчас достаточно только протянуть руку, а чувствовать ее – все равно что дышать. Если я смогла проникнуть в тюрьму, то смогу и провести детей через стены в безопасность ночи. Я не буду рисковать и забирать слишком много детей зараз, но буду возвращаться – столько, сколько требуется.

Спустя почти полчаса тропинка выходит из леса, под лучи лунного света. Издалека слышны неразборчивые крики, мой нос щекочет запах огня. Преодолев последнюю крутую часть пути, мы оказываемся в самом настоящем хаосе. Орк громко выругивается, спешивается, вытаскивает из ножен меч и бросается в бой. По всей поляне хаотично вспыхивает огонь, фейри разбегаются во всех направлениях. Кто-то из них одет в желто-серые цвета королевской гвардии; эти фейри гоняются за детьми с веревками и сетями. Другие размахивают мечами и ножами, ошупывая одетых в форму стражников.

Моя кобыла ржет и пятится.

– Тише, – шепчу я, сворачивая в рошу, где не видно схват-

ки. Я прыгиваю на землю и свободным узлом привязываю поводья к ветке ближайшего дерева. – Я скоро вернусь.

За пламенем и хаосом виднеются очертания большого строения с металлической крышей и решетками вместо стен.

Тюрьма – это железная клетка. Королева держит детей в клетках, как зверей.

Я чувствую одиночество и ужас, который испытывают дети, так же ясно, как если бы они рыдали у меня на плече. Эти чувства задевают самые потаённые уголки моего сердца, словно проникают в кости. И ярость, которая разгоралась внутри меня, становится живым существом, выцарапывающим себе путь наружу.

Каким надо быть монстром, чтобы так поступать с детьми? И какой монстр будет стоять в стороне и позволит ей это делать?

Королеве я не доверяла. А почему доверилась Себастьяну?

Под покровом темноты я проскальзываю поближе к поляне и оцениваю ситуацию. Длинноволосый мальчик-эльф, судя по всему, ровесник Джас, кричит и брыкается, пока один орк удерживает его, а второй вонзает иглу ему в зад. Он нажимает на поршень, и крик мальчика пронзает воздух, поражая меня в самое сердце. Это звук агонии, разрываемой жизни и души. Я знаю этот звук, потому что издавала его сама, после того, как связала себя узами с Себастьяном. Я кричала так, когда умирала.

Я позволяю своей ярости расти, подпитываю ее, как зверя, которого готовлюсь выпустить на своих врагов – за этих невинных детей, за каждого придворного, безвременно погибшего из-за проклятия золотой королевы, за каждого человека, которого обманом лишили жизни, заставив заключить узы с Фейри теней, за меня и мое разбитое сердце.

Сила накапливается во мне, набухает вместе с моим гневом, и когда я использую свою магию, тьма, окутывающая поляну, становится такой густой и глубокой, что ночь поглощает даже свет потрескивающего пламени.

По поляне разносятся крики удивления и ужаса. Я использую эти голоса, чтобы направить свою силу – сосредоточив все свое внимание, чтобы сквозь темноту устремиться к Благим стражникам и одного за другим запереть их в клетках тьмы.

Они сопротивляются моей темноте, пытаюсь прорваться сквозь нее с помощью собственной силы, но я сильнее и не позволяю им этого сделать.

– Отличный трюк.

Заметив, что рядом со мной присел фейри, я отскакиваю и хватаюсь за меч. Я была так сосредоточена на стражниках, что даже не услышала, как он подобрался ко мне в чаще.

Красновато-коричневые глаза мужчины светятся в темноте, как у совы. Он поднимает руки.

– Я на твоей стороне, – говорит он.

Он указывает в сторону склона, откуда я пришла. На

его лбу пульсирует серебристым светом похожая на осколки стекла паутинка. Такие отметины есть у Преты и Ларк. Возможно, этот мужчина – тоже Дикий фейри.

– Королева пришлет подкрепление, – говорит он. – Нам нужно доставить этих детей к порталу и выбраться отсюда до того, как оно прибудет. Большая часть из них уже получили инъекции и не смогут себя защитить.

– Куда ведет этот портал? – спрашиваю я, только сейчас осознав, что не продумала, что я буду делать с детьми, когда освобожу. Я пришла, чтобы защитить их и наказать тех, кто причиняет им вред. Но если я попытаюсь провести группу детей Неблагих по землям Благих, ничем хорошим это не кончится.

– В Землях Диких фейри есть лагеря беженцев.

Можно ли доверять этому незнакомцу? Откуда мне знать, что там дети будут в безопасности?

– Не такие лагеря, как этот, – говорит он, словно прочитав мои мысли. – Они будут жить в домах, а не в клетках. И смогут воссоединиться со своими семьями. Это безопасные поселения, где их будут кормить и защищать, пока они не смогут вернуться домой.

И тут я замечаю в лесу еще больше глаз, точь-в-точь похожих на его глаза.

Я знала, что люди Финна помогали Неблагим беженцам перебраться из земель королевы в Земли Диких фейри, и, поскольку история этого мужчины совпадала с тем, что я

слышала от людей Финна, я рискнула и решила довериться ему.

– Хорошо, – киваю я. – Я займусь стражниками, а ты отведи детей к portalу.

– И как же ты ими займешься? – спрашивает он.

– Доверься мне.

Я снова поворачиваюсь к лагерю и сосредотачиваюсь. Я всегда ориентировалась в темноте намного лучше остальных, но сейчас мое ночное зрение стало ещё четче, чем прежде. Сконцентрировавшись на стражниках, стоящих у клетки, я выбрасываю волну своей силы, направляя ее, как залп одновременно вылетающих из луков стрел. Я целюсь в стражников в желто-серой форме, и темнота захватывает их, оплетает и заключает в ловушку. Одного за другим я окутываю стражников королевы в такое темное покрывало ночи, что оно поглощает их целиком.

Мужчина рядом со мной усмехается.

– А ты мне нравишься.

И уходит, по-лиси устремляясь к тюрьме.

Но Благими кишит весь лагерь, и когда я ловлю других стражников, мое внимание рассеивается и я теряю контроль над теми, кого поймала до этого.

Один из них бросается к моему новому знакомому, выкрикивая предупреждение кому-то еще.

Мой союзник уклоняется, и я заворачиваю охранника в одеяло тени, пока он тоже не исчезает. Мой друг одаривает

меня довольной улыбкой, и прутья клетки изгибаются и раздвигаются. Закованные в кандалы дети выбегают на поляну. Внезапно их цепи разрываются, и кандалы падают на землю.

Позади меня хрустит ветка, и я оборачиваюсь как раз вовремя, чтобы увидеть фигуру, выступающую из тени. У него пылающие красные глаза и загнутые рога. Я всматриваюсь, думая о друге Финна Кейне, но это не мой знакомый фейри. У этого рогатого фейри волосы темные, и он не такой высокий, как Кейн. Отчасти я жду, что дети отпрянут от ужасающей фигуры, но когда он машет им в сторону леса, они повинуются, убегая в чащу – к порталу? – и бегут так, словно от этого зависит их жизнь.

Вероятно, так оно и есть.

Раздается крик боли, и мое внимание снова возвращается к лагерю. К шее моего друга приставлен нож, схвативший его стражник рычит. Я сосредотачиваюсь на охраннике и погружаю его в его худшие кошмары. Его меч падает на землю, и мой союзник кратко салютует в мою сторону, а затем бросается к следующей секции огромной клетки.

Моя магия, кажется, бесконечна, всякий раз, когда я хочу зачерпнуть ее, она не иссякает. Но меня захлестывает усталость – такая, словно я вот-вот потеряю сознание. Но я не останавливаюсь. Пока у меня есть силы помогать и освободить детей, я буду продолжать это делать.

Время идет, у меня на лбу выступают капельки пота, я изо всех сил пытаюсь сосредоточиться. С помощью своей силы

я останавливаю стражника за стражником, и все больше и больше детей выбегает из клетки, но стражники выскальзывают из моей хватки почти так же быстро, как я ловлю их в ловушку.

Вдруг меня хватают за шиворот и поднимают наверх.

– Вы только посмотрите.

Меня поворачивают слишком быстро, моя шея выгибается назад, и я смотрю прямо в мутные карие глаза орка из гостиницы. Мое плечо пронзает острая игла, и по венам разливается боль – горячая и тяжелая. Я пытаюсь набросить на него свою магию, но теперь вместо того, чтобы черпать из бесконечного источника силы, я пытаюсь наполнить стакан из пустого кувшина. Там ничего нет.

В следующее мгновение я теряю сознание.

* * *

– Я ее нашел.

– Ты бы ее не нашел, если бы Крэлли не сказал тебе, откуда исходит магия.

– Ну, я ее остановил. Значит, первым стреляю я.

– Ты? Она отправила меня в недра преисподней. Я хочу увидеть, как она будет истекать кровью.

– В недра преисподней? Ты что, правда так боишься темноты?

– Заткнись. Ты даже не представляешь, каково это –

подобным образом превратиться в ничто. Самый большой плюс того, что проклятие больше не действует, то, как приятно будет вонзить клинок в ее сердце. Мерзкая Неблагая.

– Только троньте ее, прежде чем капитан допросит ее, и вам придется отвечать перед ним.

Я на земле, и все мое тело ноет от боли. В мои запястья врезаются металлические кандалы, но я не двигаюсь и держу глаза закрытыми, слушая разговор стоящих рядом со мной мужчин.

– Ты когда-нибудь видел Неблагую мразь с такими волосами?

– Она похожа на Хендиши из долины теней.

– Я никогда не видел Хендиши ниже меня ростом. Быть того не может.

– Наверное, у нее там рога.

– Предлагаю убить ее. Он никогда не узнает.

– У тебя есть другой способ объяснить, что там произошло? – проворчал кто-то себе под нос.

Я тянусь к своей магии и ничего не нахожу. Это все равно что пытаться сделать вдох и обнаружить, что у тебя в легких нет места для воздуха. Я пытаюсь снова и снова.

Ничего.

Меня охватывает паника, и я пытаюсь вырваться из своих оков.

– О, смотрите. Она просыпается.

Они что-то со мной сделали. Каким-то образом украли

мою магию.

Инъекции.

Ядвигаю ногами, проверяя их. Они не скованы. Но на моих запястьях железные кандалы, и везде, где металл касается кожи, она горит.

Стараюсь, не поднимая головы, насколько это возможно, осмотреть местность. Над нами ухает одинокая сова, насекомые наполняют воздух своей ночной песней. В трех футах от меня потрескивает костер. Рядом с ним бездельничают два орка. Они как будто бы разбивают лагерь на ночь. Третий нависает надо мной.

– Она очнулась. – Удар ботинком в живот заставляет меня вскрикнуть. – Поздоровайтесь с этой мразью, мальчики.

– Оставь ее в покое и сядь на место, – говорит один из его товарищей. – Ты сможешь с ней «пообщаться», когда с ней поговорит капитан. А пока отойди.

Раздается шорох гравия, и в поле моего зрения появляются ботинки. Мужчина останавливается, когда его лицо оказывается в нескольких дюймах от моего. Его дыхание пахнет гнилью и разложением, а два его кривых зуба блестят в свете камина.

– Готова встретиться с нашим капитаном? Я сделаю тебе одолжение, девочка. Скажи ему, с кем ты работаешь и кто тебе помог, и больно будет совсем немного.

– Не говори ей этого, – говорит один из бездельничающих орков. – Я хочу послушать, как сучка будет кричать.

Как только придет капитан, я пропала. Мне надо сбежать до его прихода, но я едва держусь на ногах. И даже если бы я не цеплялась за сознание, что я могу сделать без своих сил и со связанными руками?

«Спи, Абриелла».

Нет, я не могу.

Но голос в моей голове звучит как голос моей матери.

«Спи. Пусть тени играют».

Зов слишком сладок, а мое тело слишком слабо, чтобы сопротивляться. Я закрываю глаза и засыпаю.

* * *

«Пора бежать».

Я резко открываю глаза. Передо мной потрескивает вчерашний костер, а сквозь деревья пробиваются первые лучи утреннего солнца. В воздухе какой-то странный запах. Я сажусь, тру глаза скованными в кандалы руками – и замираю.

Когда я смотрю на своих похитителей, мой живот сжимается. Орки все еще вокруг костра, но вместо того, чтобы рычать на меня, как прошлой ночью, они... мертвы.

Это просто ужасно. Их окровавленные внутренности лежат на лесной подстилке. И на земле передо мной лежит мой кинжал – тот, который я держу завернутым в тень на бедре, но он обнажен и окровавлен.

Я с трудом встаю и, едва переставляя ноги, отступаю на-

зад. Повсюду кровь, но на мне ее нет. Я все еще в оковах и слаба. Так кто же убил стражников? И почему меня оставили в живых?

Вдалеке слышен стук копыт. Он становится все ближе. Они едут. Капитан едет.

Я босая – должно быть, с меня сняли ботинки, – и в мои ступни впивается гравий. Я чувствую, как по ногам течет что-то горячее и влажное, но все равно бегу. Мои лёгкие болят так, что, кажется, могут разорваться на части, я убегаю от звука копыт.

Я задыхаюсь, по моим ободранным ступням стекает кровь, ноги онемели, но я не останавливаюсь.

Гравийная дорожка выходит в поля. Яровая пшеница хлещет меня по ногам и лицу, когда я пробираюсь сквозь нее, но я продолжаю бежать. Я вижу впереди конюшню и, собрав оставшиеся силы, пробиваю двери скованными руками. К тому времени как я забиваюсь в угол конюшни, последние лучи ночи почти покинули небо, и я едва держусь на ногах.

Я приваливаюсь к стене, закрываю глаза и погружаюсь в глубокий сон – в котором все равно продолжаю бежать.

У меня в голове проносятся образы.

Глаза цвета морской волны, глаза Себастьяна, когда он обещал, что у меня будет дом, руна на моей коже, прямо над сердцем, символизирующая наши узы, железные прутья огромной клетки, где королева заперла Неблагих детей.

Я бегу в каждом сне, мимо каждого воспоминания. Серд-

це бешено колотится, легкие сжимаются, ноги болят, но я бегу.

Теперь это моя жизнь.

Теперь я все время бегу, окружённая врагами, и не могу остановиться.

Эта мысль захватывает меня, когда я погружаюсь в сон и вынырываю из него. Я хочу повернуть время вспять. Вернуться в Элору до того, как Джас продали в рабство, до того, как я узнала, что Себастьян – принц фейри. Я хочу вернуться к тому одинокому, утомительному существованию. Тогда было не так уж много людей, которым было на меня не плевать, но, по крайней мере, они не притворялись, что я им безразлична. По крайней мере, я верила, что то небольшое, что у меня было, было реальным.

Глава 3

– И это та исключительная красавица, за которую боролись сыновья Оберона? – спросил мужчина.

– Ей не нужна красота. Огонек – отличная воровка, она крадет сердца так же просто, как драгоценности, – ответил смутно знакомый голос.

«Баккен? Что здесь делает Баккен?»

Я слышу презрительное фырканье.

– Не сомневаюсь.

Я пытаюсь открыть глаза, но у меня не получается. Веки словно склеены, а рот как будто набит песком.

– Она выглядит так же отвратительно, как неубранные конюшни. А пахнет еще хуже, – говорит мужчина.

Я пытаюсь сесть, но каждый мускул в моем теле протестующе ноет.

– Проснись, принцесса Абриелла. Пришло твое спасение.

Меня охватывает настолько сильное отвращение и раздражение, что мне наконец удастся открыть глаза. Первое, что я вижу, – блестящие ботинки, зашнурованные на мускулистых, обтянутых кожей ногах. Я поднимаю голову и вижу, как очень большой, очень высокий фейри с оливковой кожей ухмыляется мне сверху вниз. На его лбу, сквозь копну густых темных волос, виднеются пульсирующие серебряным светом изломанные линии.

– А вот и она, – говорит фейри. В его красновато-коричневых глазах с приподнятыми уголками пляшут веселые искорки. – С возвращением в мир живых.

Я знаю эти глаза.

– Это ты помогал детям сбежать.

В ответ его губы растягиваются в широкую улыбку. Почему-то он кажется мне знакомым. Знакомым не только потому, что мы вместе сидели на корточках в траве возле тюрьмы для Неблагих.

– Ты Дикий фейри, – хриплю я.

Он фыркает.

– Ну да. Молодец, что заметила. А теперь мы можем идти? Пока твой принц не нашел меня на землях своей матери и я не поплатился за это головой?

Мой взгляд скользит к гоблину, стоящему рядом с ним. Это вовсе не Баккен, а другой гоблин, которого я не узнаю. Он смотрит на мои волосы, и я вижу, как его рот с длинными зубами наполняется слюной.

– Куда мы пойдем? – спрашиваю я. Мое горло при этом все равно что полоснули сразу тысячами лезвий. Я думала, что быть фейри – значит чувствовать себя здоровой и энергичной, полной жизни, но с того момента, как я очнулась с этими эльфийскими ушами, мне казалось, что я нахожусь ближе к смерти, чем к жизни.

Странный мужчина хихикает.

– Ну, ты не успела восстановиться после превращения и

использовала много силы. Конечно, тебе очень плохо.

Я пристально смотрю на него. Он читает мои мысли, или мои мысли настолько очевидны?

– И то и другое. Но хотя бы твои ноги зажили.

Он прав. Боль прошла. О том, что произошло ночью, напоминают только кандалы на моих запястьях и засохшая кровь, покрывающая ноги.

Он небрежно машет рукой в мою сторону, и железо падает с моих запястий. Он протягивает мне руку:

– Пойдем. Стражники принца Ронана вот-вот будут здесь.

– Откуда он знает, где я нахожусь?

– Узы? – напоминает мужчина, изогнув бровь. – Если бы он потрудился отправиться за тобой сам, вместо того чтобы посылать за тобой своих стражников, ты бы уже была у него. Но ты бежишь, не останавливаясь, так что его людям потребовалось немало времени, чтобы тебя найти.

И тут я слышу.

Вдалеке раздается стук копыт.

Как же я устала бежать.

Мужчина берет гоблина за одну руку; гоблин протягивает мне другую.

– С чего это я должна тебе доверять?

С губ мужчины срывается смешок.

– О, ты вовсе не должна. На самом деле я бы посоветовал тебе перестать доверять людям в принципе. В здешних краях это довольно опасная привычка, а ты и так устроила самый

настоящий хаос.

– Что ты сказал?

Стук копыт стал ближе. Кто-то вскрикнул:

– Вперед!

Я встаю и отряхиваю со штанов сено. Повернувшись, я выглядываю из дверей конюшни, ожидая увидеть несущихся на нас лошадей, но за дверью никого нет.

– Где они?

– За холмом, примерно в миле отсюда, и быстро приближаются, – говорит мужчина.

Я недоверчиво кривлю лицо.

Мужчина усмехается.

– У фейри острый слух. Ты еще не привыкла, но скоро освоишься. Ну что, идешь?

Я колеблюсь. С одной стороны, мне больше некуда идти, а этот фейри помог детям сбежать из тюрьмы в лагере королевы. Только поэтому я ему доверяю. С другой стороны, он прав. Нельзя доверять никому.

– Время поджидает, принцесса.

Я не обращаю на него внимания и поворачиваюсь к его гоблину:

– Куда ты меня перенесешь?

– В Земли Диких фейри, – говорит гoblin. Его бегающие глазки осматривают конюшни, как будто враг скрывается в темных углах.

– Но я связана узами с Себастьяном. Я... – Я сглатываю.

Нельзя думать об этом слишком много, иначе я просто не выдержу. – Я его чувствую, – проговариваю я, стиснув зубы. – Он сможет меня найти.

Гоблин не отвечает, но его спутник кивает:

– Да, сможет, но не сможет добраться до тебя, не начав войну, которую сейчас не может себе позволить.

Я не могу вернуться домой. Даже если бы я знала, как вернуться в Элору, на меня бы охотились за то, что я фейри, и либо сразу убили бы, либо избили и искалечили, как избили и искалечили Оберона, пока его не нашла и не вылечила моя мать. Себастьян прожил там два года, зачарованный под человека, но я не знаю, как зачаровать себя – и позволят ли мне это мои силы.

Я могла бы пойти к Финну. Он пришел ко мне в ту ночь, когда я приняла Зелье жизни... Или я пришла к нему.

«Ты счастлива?»²

Из всего, что он мог бы сказать или спросить, он хотел знать, счастлива ли я. Более слабый мужчина позлорадствовал бы над ошибкой, которую я совершила, доверившись Себастьяну.

Уверена, Финн приютил бы меня – он сказал это во время своего краткого визита в мои сны, – но я не понимаю почему. У меня больше нет короны. У меня нет ничего, что ему нужно, кроме, может быть, этой силы, но теперь, когда проклятие снято, он может пользоваться своей собственной. И

² Цитата из первой книжки, с. 496.

даже если он не прогонит меня, готова ли я ему довериться? Конечно, предательство Себастьяна было хуже, но оба мужчины использовали меня, манипулировали мной и пытались обмануть. И все ради чего? Ради власти? Короны?

Пусть подавятся.

– У нас мало времени, принцесса.

Красновато-карие глаза смотрят в сторону дороги.

– Я не бессильна. Если ты меня обманываешь, я запроу тебя в такой глубокой и непроглядной тьме, что ты будешь умолять об убежище от своих кошмаров.

Он улыбается своему гоблину.

– Она и правда мне нравится.

Он берет меня за руку, а гоблин берет другую.

И я падаю.

Лечу, кружусь, кручусь вправо, влево и в никуда одновременно, пока внезапно мы не оказываемся в тускло освещенной спальне. Из окна виднеются первые лучи поднимающегося солнца, освещающие усаженную деревьями аллею. Здесь только-только рассветает, тогда как в землях Благих уже давно наступил день. Это на мгновение застает меня врасплох, пока я не вспоминаю, что Земли Диких фейри расположены далеко к западу от Золотого дворца королевы.

– Береги себя, Огонек, – говорит гоблин. Затем он склоняет голову и исчезает.

Я хмуро смотрю туда, где всего мгновение назад стоял гоблин.

– Почему они работают на вас?

– Что?

– Гоблины. У каждого могущественного фейри как будто есть гоблин на побегушках. Но они обладают силами, которые нужны вам. Почему они вам служат?

Мужчина с красновато-коричневыми глазами криво ухмыляется мне, как будто этот вопрос каким-то образом делает меня более интересной.

– Гоблины заключают союзы с разными дворами для достижения собственных целей. Обычно – для доступа к информации, поскольку их коллективные знания являются источником их силы.

– Коллективные знания?

Он поднимает подбородок.

– Да. То, что знает один гоблин, скоро будут знать они все. Никогда не обманывай себя: гоблин, который выполняет твои приказы, не будет тебе служить. Они играют большую роль в политике этого мира, чем осознает большинство его обитателей. У них всегда есть свои собственные мотивы, и они редко делятся ими.

В его словах есть смысл. Баккен хоть и жил в доме моей тети в качестве ее слуги, но у меня никогда не складывалось впечатления, что у нее была над ним власть.

Кивнув, я осматриваю комнату. Здесь стоит большая кровать с балдахином, застеленная слоями постельного белья, которое выглядит таким мягким, что мое усталое тело бук-

важно тянется к нему; из окон открывается вид на горный пейзаж, такой же прекрасный, как сады Золотого дворца, и пышные зеленые долины за ним.

Между возвращением в Золотой дворец и попыткой найти Финна это оказалось лучшим вариантом, но теперь, оставшись наедине с этим странным мужчиной, я сомневаюсь в своем здравомыслии.

– Где мы? – спрашиваю я.

Фейри с красно-коричневыми глазами складывает руки на груди и наклоняет голову.

– Мы находимся в моем доме.

Мой взгляд снова устремляется на кровать. Если он думает...

– Успокойся, принцесса. Я не сплю с женщинами против их воли. И даже если бы ты и захотела... – Сморщив нос и слегка содрогнувшись от отвращения, он бросает на меня быстрый взгляд и качает головой. – Я не горю желанием делить ложе с женщиной, которая пахнет как навозная куча, которые мой отец заставлял меня разгребать в детстве.

Я ахаю.

Как грубо.

С его губ срывается усмешка.

– Я говорю как есть. От тебя... пахнет. Вероятно, дело в том, где ты спала вчера ночью, но тем не менее ты выглядишь так, как будто не мылась две недели. Уж извини, что я не нахожу тебя соблазнительной.

До чего же он бесит.

– Я не хочу тебя соблазнять. Я просто хочу...

А чего я хочу?

Ничего.

Только сбежать из этого кошмара. А привлекает меня только сон.

– Тогда иди спать, – говорит мужчина, указывая на кровать. – Но, может, сначала примешь ванну? Я позову твою служанку. – Он поворачивается к двери.

– Постой.

Он останавливается и поднимает бровь.

– Кто ты такой?

Его губы медленно растягиваются в улыбку, от которой в глазах начинают плясать огоньки.

– Меня зовут Мишамон Нико Френдилла, но ты можешь звать меня Миша. – Он кланяется в пояс. – Рад наконец познакомиться с тобой лично, Абриелла.

Миша. Брат Преты. Вот почему мне показалось, что я его знаю. Он похож на свою сестру.

– Нет.

Я складываю руки на груди.

– Тебе придется отвезти меня куда-нибудь еще. Я не хочу иметь дел с еще одним принцем еще одного двора фейри. Хватит с меня.

Его глаза расширяются.

– Принцем? Миледи, я король. И – при всем уважении

– куда ты пойдешь? Тебе нужно время, чтобы собраться с мыслями и понять, как ты себя чувствуешь, когда на тебя не пытается влиять принц Ронан. Я могу дать тебе это время.

– Прочь из моей головы, – рычу я.

Я не только не хочу связываться с другими коронованными фейри. Последнее, что мне нужно, искать убежище там, где мои мысли принадлежат не только мне.

Миша вздыхает.

– Как я уже сказал, Ронан не может прийти сюда без моего разрешения – не спровоцировав весьма неприятный конфликт.

– Ты можешь появляться во Дворе Солнца, открывать порталы, похищать пленников королевы, но я должна верить, что если Себастьян явится сюда за мной, это спровоцирует войну?

– Поверь мне, королева хотела бы отомстить за все, что я у нее отнял, но она не может этого сделать. Для этого ей придется на все королевство заявить, что она ворующая детей рабовладельца и жадная до власти сука – кем она и является.

– Но Себастьян...

– Власть Ронана в любом дворе в лучшем случае незначительна, – говорит Миша. – И ему нельзя отпугивать своих немногочисленных последователей, отправляя солдат на эту гору с приказом забрать отсюда девушку.

– А Финн?

Он пожимает плечами.

– Финн не знает, что ты здесь.

– А откуда мне знать, что ты не заключил с ними союз в обмен на доступ ко мне?

– А зачем ему доступ к тебе? Что ты можешь ему предложить?

Я вздрагиваю.

Он говорит чистую правду.

Конечно. Зачем им рисковать ради меня? У меня больше нет того, что им нужно.

– Может быть, ты продашь меня золотой королеве. Или тебе нужна информация. Сомневаюсь, что ты делаешь это, потому что у тебя есть привычка помогать кому ни попадя.

Он снова оглядывает меня с головы до ног. В его взгляде нет никакого интереса, только любопытство.

– Я не помогаю «кому ни попадя». Но ты, Абриелла, под это определение не подходишь. Ты даже не человек.

– Ты знаешь, что я...

Он поднимает руку.

– Что касается причин, по которым я помогаю тебе. Ты права, предполагая, что мои мотивы не бескорыстны. Я несу ответственность за свое королевство и всех, кто здесь проживает, и, нравится мне это или нет, действия других дворов влияют на мой народ. И нравится это или нет тебе, ты находишься в самом центре происходящего.

– Так я пешка?

Снова.

Его глаза вспыхивают, и он делает шаг вперед.

– Не стоит играть со мной в бедненькую обиженную смертную девочку, – говорит он. – Оберон дал тебе свою корону и свою силу. Тем самым он связал твою судьбу с судьбой своего королевства. У тебя не было выбора. Но и у меня тоже его не было. Я был рожден, чтобы править этими землями, как принц Ронан или принц Финниан. Не только тебе пришлось нелегко, и жалость к себе не изменит того факта, что твои действия окажут влияние на мою семью, мой народ и все это королевство.

Уставившись на красивого, острого на язык короля фейри, я пытаюсь придумать достойный ответ, но моя голова отказывается работать.

– Короны у меня нет. Я всего лишь человек, которого сделали фейри. Я никто.

Он медленно обводит меня взглядом. Мне кажется, что он как будто видит меня насквозь, заглядывая мне в самую душу через грязь, которой покрыта моя кожа.

– Ты грязная и измученная. Ты не до конца оправилась после приема зелья, а за вчерашний день потратила необычайное количество энергии. Если будешь продолжать в том же духе, тебя не спасет от выгорания даже священный камень огня.

Моя рука тянется к изумрудной слезинке, висящей между моих грудей.

– Какой камень?

– Огня, – говорит он, глядя на камень в моей руке. – Разве ты не знаешь, что носишь талисман? Невероятно редкий, и к тому же очень дорогой.

Я приглядываюсь и понимаю, что это вовсе не камень – по крайней мере, не такой, какой я когда-либо видела.

– Почему он называется камнем огня, если он зеленый?

– Они бывают разных цветов, но я полагаю, что они названы так из-за того, как они выглядят, если поднести их к свету, – как будто внутри их горит пламя.

– Что они делают? – спрашиваю я.

И почему Себастьян подарил его мне?

– Вероятно, чтобы тебе точно хватило сил, чтобы пережить переход. Не все люди, принявшие зелье, дожили, чтобы рассказать об этом.

Мой живот скручивает от охватившей меня бури эмоций, и я сглатываю. Это признак того, что Себастьян меня любит, или еще одно убедительное доказательство того, насколько обдуманым был его выбор? Он знал, что я умру, когда заключу с ним узы, и все равно скрыл от меня правду. Он украл мою человеческую жизнь, чтобы занять трон Неблагих.

– Ты слишком много думаешь, – говорит Миша. – Скоро я все тебе объясню, но сейчас тебе нужно отдохнуть.

Он высовывает голову из двери и тихо зовет кого-то, кто стоит в коридоре.

В комнату входит седовласая женщина. Склонив голову, она проходит мимо меня и входит в, кажется, ванную ком-

нату.

– Холли приготовит тебе ванну и принесет чистую одежду, – говорит Миша. – Если почувствуешь, что твои мысли мешают тебе расслабиться и заснуть, рядом с кроватью есть снотворное.

– Как будто я стану пить что-то...

– Оно не отравлено, принцесса. Это смесь трав для более спокойного сна, но принимать ее или нет, решать только тебе.

Я делаю глубокий вдох. Он прав. Мне нужно принять ванну и немного поспать. Я измучена, убита горем и...

Я вскрикиваю и отшатываюсь от вспышки нестерпимой боли. Я прижимаю руку к животу, ожидая увидеть просачивающуюся между пальцами кровь. Затем мои руки и ноги пронзает такая сильная боль, что я падаю.

– Что...

Я поднимаю голову, чтобы посмотреть в глаза Мише, и вижу, как сначала в них мелькает замешательство, на смену которому приходит понимание.

– Узы, – говорит Миша, широко раскрыв глаза. – Ты чувствуешь принца Ронана.

Я задыхаюсь от жгучей боли в животе, в груди. Меня разрывают на части.

– Себастьян ранен?

– Ответ на свой вопрос сама.

Он прав. Я знаю это так же точно, как знаю, что моя рука

принадлежит мне.

Эта боль принадлежит Себастьяну.

– На него... напали.

– С помощью магии? С клинком? – спрашивает Миша. –

Это смертельный удар?

Я качаю головой:

– Я... я не знаю.

– Сосредоточься, – говорит он, его голос мягкий, как шелк.

Я закрываю глаза, чтобы сосредоточиться, и меня захлестывают ощущения и эмоции, которые мне не принадлежат. Агония, охватывающая его тело, отчаяние, душевная боль. Это еще не все. Разочарование, беспокойство. И... ревность? Навязчивая, мерзкая, такая сильная, что больше напоминает гнев.

– Наверное, он с Финном. Ронан все еще ревнует к принцу теней, даже после того, как заключил с тобой узы. Неуверенный в себе мальчишка.

Я пристально смотрю на Мишу.

– Прекрати.

Он пожимает плечами.

– Я просто пытаюсь помочь.

Еще одна волна боли, на этот раз менее сильная, но после нее чувствуются отголоски. Насколько сильно он ранен? Все ли с ним будет в порядке? Я сдерживаюсь и не задаю эти вопросы.

Он меня предал.

– Как мне сделать... – выдыхаю я. – Сделай так, чтобы это прекратилось.

– Связь? – Миша качает головой. – Ты можешь научиться приглушать то, что получаешь с его стороны, но все равно будешь чувствовать его, когда ты ослабишь бдительность.

«Ты мне нужна мне нужна мне нужна мне нужна».

Я прижимаю ладонь к вискам. Он здесь – не в словах, а в отголосках чувств.

– Он знает, что ты настроена на него, – говорит Миша. – Он чувствует это и пытается с тобой связаться.

Я чувствую отчаяние; оно отдается в моей груди, словно резкий удар под дых. Чувство Себастьяна смешивается с моим, и я резко падаю на пол. Я хватаюсь за деревянный столбик кровати, чтобы встать на ноги.

– Как работает эта связь? – спрашиваю я. Я не стану вести себя как дура и задавать вопросы, прежде чем соглашаться со сказанным. И не стану совершать ещё один глупый поступок и верить фейри.

Миша внимательно смотрит на меня, подняв бровь.

– Это связь, – говорит он. – Осознание.

– Он знает, о чем я думаю?

«Я тебя люблю люблю люблю люблю люблю». «Ты мне нужна нужна нужна нужна».

– Не совсем. – Он наклоняет голову и с задумчивым видом рассматривает потолок. – Больше это напоминает отпечатки.

Между вами сильная эмпатическая связь. Поэтому если то, что ты чувствуешь, можно выразить словом или фразой, он чувствует его отпечаток. Но обычно это больше напоминает чувство.

– Как это можно убрать?

Миша подавляет смехок.

– Мы говорим об узах, которые связывают души. Их нельзя развязать.

– Но должен же быть какой-то способ.

– Может быть, но это больно, цена за это слишком высока, а чтобы это сделать, нужно, чтобы обе стороны единодушно и по собственной воле выбрали друг для друга свободу. Есть ритуал, для совершения которого требуется много священных камней огня – того, что висит у тебя на шее, далеко не достаточно. И мне говорили, что это так же мучительно, как действие Зелья жизни.

При воспоминании о Зелье жизни и агонии, которую я пережила, выпив его, мое тело пробирает сильная дрожь. Не знаю, смогу ли я пройти через все это снова. Может быть, есть другой способ. Для человека и фейри узы работают по-разному. Если бы я только смогла найти способ превратиться обратно в человека...

– Единственное лекарство от бессмертия – это смерть. Обратного Зелья жизни не существует. Больше – нет. Хотя, возможно, ты удивишься, узнав, что ты не первая, кто хочет этого.

Он никак не может перестать читать мои мысли. Я бросаю на него свирепый взгляд.

– Для тебя проблема заключается далеко не в узах. Она простирается намного глубже способности чувствовать эмоции своего желторотого любовника.

– Не называй его так.

– Я хочу сказать, – говорит он, не обращая внимания на мое возражение, – что, отгородившись от него, ты не освободишься.

– Помоги мне закрыться от него.

Миша качает головой:

– Это требует практики, стойкости и эмпатической силы. Сейчас ты слишком слаба для этого.

– Ты можешь помочь мне или нет? – рывкаю я.

– Мгновенно эту проблему не решить. Прими ванну, выпей тоник и отдохни. Перерыв на сон – это лучшее, что я могу предложить в твоём нынешнем положении. Увидимся, когда проснешься.

Он отступает в коридор, и я смотрю ему вслед, пока он не закрывает за собой дверь.

Постепенно боль сходит на нет. Эхо Себастьяна в моей голове затихает. Я все еще чувствую его – чувствую всегда, – но теперь оно тише.

Холли помогает мне залезть в ванну и оставляет меня в одиночестве. Теплая вода пахнет свежей лавандой, и мои больные мышцы медленно расслабляются, пока я смываю

пот и грязь, осевшие на моем теле после пленения и побега. За окном слышно пение птиц; по мере того, как солнце поднимается над горизонтом, вода становится прохладной. Все это время я игнорирую вызванное узами ощущение, что Себастьян находится в комнате и наблюдает за мной. Игнорирую облегчение, которое захлестывает меня, когда его боль утихает и его эмоции успокаиваются.

С ним все в порядке. Он выживет.

Только когда вода становится совсем холодной, я вылезаю из ванны и вытираюсь. В изножье моей кровати лежит свежая ночная рубашка. Я натягиваю ее через голову, забираюсь под мягкое одеяло и сворачиваюсь калачиком.

Я чувствую его в своем сознании, он баюкает меня, прижимает к себе. Я хочу отмахнуться от него, но не знаю как. Не могу отрицать: в тот момент, когда я проваливаюсь в сон и вынырываю из него, мой разум цепляется за беспокойство за мужчину, которого я любила. Эти узы все-таки приносят какое-то утешение.

Я засыпаю, гадая, знает ли он, где я. Спрашивая себя, почему это вообще его волнует, ведь он получил корону.

* * *

В своих снах я борюсь с бушующими волнами океана, снова оказываюсь на лошади рядом с самой, отдаляюсь от женщины, которая меня пугает, а затем резко, до того, как успе-

ваю сориентироваться, оказываюсь в летней ночи.

Воздух горячий и липкий, и я не могу заставить себя войти в спертый воздух подвала мадам Ви. Сегодня я слишком подавлена, чтобы смотреть в глаза сестре и притворяться, что я заработала сегодняшнюю плату только тяжелой работой.

Воровство, даже у самых плохих людей, оказывает влияние на мое сердце и разум. Я не хотела становиться воровкой и никогда не думала, что к шестнадцати годам я так погрязну в долгах, что пойму, почему другие девушки моего возраста в конечном итоге продавали себя фейри.

Я сажусь на землю и смотрю на звезды. Сегодня они не очень яркие, но это зрелище все равно меня успокаивает. Я люблю ночь. Кваканье лягушек, раздающиеся вдалеке крики сов. Это напоминает мне о том, что когда-то жизнь была проще. Когда я еще не знала, каково это, нести ответственность за сестру, когда все еще загадывала желание, увидев падающую звезду. И когда у меня еще была мама, которая рассказывала мне сказки на ночь.

«Когда-то давным-давно жила-была девочка с ярко-рыжими волосами, которой было суждено спасти королевство...»

– Откуда я знал, что смогу найти тебя здесь? – спрашивает Себастьян, выходя из задней двери дома мага Трифена. Он так прекрасен в лунном свете, его белокурые волосы развеваются на лёгком ветру. Мое сердце сжимается от тоски по

ученику мага.

– Может быть, дело в том, что я не живу, и если я не работаю и не сплю, я всегда здесь? – смеюсь я. Я не думала, что захочу провести сегодняшний вечер в чьем-то обществе, но при его появлении мне стало легче. – Я достаточно предсказуема.

Он проходит по двору и опускается на землю рядом со мной, опираясь на локти.

– В лучшем смысле этого слова.

Я перевожу взгляд от звезд, чтобы улыбнуться ему, и обнаруживаю, что он смотрит на меня с серьезным выражением лица.

– Баш?

– В этот момент я впервые захотел тебя поцеловать, – говорит он. – Как же сильно я этого хотел.

Я хмурюсь, глядя на свой тайный объект воздыхания, пытаюсь понять смысл его слов.

– Хотел? Ты о чем?

Себастьян мелькает в моем поле зрения и рябит, как отражение в пруду, которое исчезает только для того, чтобы появиться снова, когда вода осядет. На мгновение на его голове появляется сверкающая корона из звезд, но я моргаю, и она исчезает.

– Ты помнишь эту ночь, да? Ты была очень уставшей – всегда была очень уставшей, – но той ночью ты осталась со мной на улице и рассказала мне о своей матери. Ты призна-

лась, что скучаешь по ней и иногда все еще мечтаешь, чтобы она вернулась домой. А потом ты заснула прямо рядом со мной.

Я качаю головой. В его словах нет никакого смысла. О какой ночи он говорит? То, что он говорит, правда, но я никогда не говорила этого вслух.

Он тяжело сглатывает.

– Я отнес тебя в постель, и когда ты прижалась ко мне во сне, я понял, что не смогу этого сделать. Я знал, что уж лучше моя мать умрет у меня на глазах, чем я предам тебя. Но выбора у меня уже не было.

О чем он говорит? Я изучаю его лицо – волевой подбородок, прямой нос, мягкие губы. Какая-то незнакомая смелость заставляет меня поднять руку к его лицу. У него мягкая кожа. Он идеальный. И я точно знаю, что буду чувствовать, когда это лицо уткнется мне в шею, а это тело будет над моим...

Он подносит руку к моему лицу и касается моей щеки, но мое внимание привлекает отметина на внутренней стороне его запястья. Руна, которую я никогда раньше не видела, татуировка, которая точь-в-точь совпадает с моей.

Я опускаю руку и отшатываюсь. У меня татуировки нет. И я никогда не была с Себастьяном. Я не знаю, откуда взялась эта мысль. Но Себастьян притягивает меня к себе и заключает в объятия, прежде чем я успеваю отойти слишком далеко. И я позволяю ему это сделать.

Прошлое и настоящее, мечта и реальность – все упорядочивается и встает на свои места.

Он теплый, с ним безопасно, и я не хочу от него уходить. Мне так надоело быть одной. Поэтому я тону в его объятьях, в его тепле. Я чувствую, как его сердце бьется у моей щеки, и мне хочется плакать. Я хочу плакать, потому что это всего лишь сон. Потому что это не по-настоящему. Мне хочется плакать, потому что когда-то я была достаточно глупа, чтобы поверить, что это было на самом деле.

Все по-другому. Теперь я знаю, каково это – отнимать жизнь и терять свою собственную. Я знаю, каково это – вонзить клинок в сердце короля и не испытывать угрызений совести. Я знаю, каково это – умереть и вернуться к жизни с помощью мучительной магии священного волшебного зелья. Каково это – испытывать сильнейшую любовь и быть преданной этой любовью.

Завтра я снова буду бежать. Я все равно буду одна. Себастьян все равно меня предаст.

– Я думала, это было на самом деле, – шепчу я в его мягкую хлопковую рубашку. – Ты заставил меня поверить, что любишь меня.

– Я действительно тебя люблю.

Я качаю головой, потому что это сон, и во сне Себастьян всегда будет любить меня. Всегда будет меня защищать. И никогда бы меня не предал.

Он отстраняется, поднимает мое лицо к своему и долго

смотрит мне в глаза.

– Ты имеешь полное право злиться, – говорит он. – Мне так жаль. Так жаль, что я не нашел другого способа.

Я напрягаюсь. Я не хочу продолжать этот разговор. Я хочу притвориться, что никаких извинений не требуется и что ничего этого никогда не было.

Но...

– Мне нужно было самому отправиться за тобой. Но я не смог, а теперь... – он качает головой. – Как ты связана со двором Диких фейри? Кто отвез тебя туда?

Я могу только смотреть на него. Это сон, но не обычный сон.

– Приходи ко мне, во дворец короля Неблагих. Обещаю, ты будешь в безопасности. Я не знаю, что задумала моя мать, но боюсь...

– Ты посещаешь мои сны.

Он улыбается, медленно и неуверенно.

– Я же наполовину Неблагой.

– Я не хочу, чтобы ты приходил, – выдыхаю я.

В его глазах я вижу невероятную боль. Душевную боль, которую я слишком хорошо понимаю. Я чувствую ее всем сердцем, а оно и так разбито на мелкие кусочки.

– Бри...

– Убирайся.

Я отталкиваю его. Отталкиваю и руками, и разумом, пока он не исчезает, а я не остаюсь одна, погруженная в другой

сон.

Позже во сне ко мне приходит Финн, но я выпихиваю его прежде, чем он успевает сказать хоть слово.

Глава 4

Я не стала пить тоник, но все равно крепко проспала много часов.

Когда я просыпаюсь, сквозь щель в занавесках пробивается свет. Я прижимаю ладони к глазам, и с моих губ срывается недовольный стон. Мне категорически не нужны связи с ещё одним двором фейри. И дело даже не в моих сомнениях в нейтралитете Миши. Они с Амирой работали с Финном, спасая Неблагих беженцев из лагерей королевы. Да, зная это, мне проще доверять Мише и легче его уважать, но это также значит, что у него есть связи с Финном и теми, кто хочет видеть его на Троне Теней.

Тем временем Себастьян является ко мне во сне и просит прийти к нему во дворец Неблагих. Он занял трон? Не уверена, что теперь, когда у него есть корона, что-то может ему помешать. Даже не представляю, что он сделал такого, чтобы вчера я испытала такую боль.

Я сажусь на кровати и опускаю ноги на прохладный каменный пол. Комната идёт кругом, и я на мгновение закрываю глаза. У меня всё ещё совершенно нет сил, я смертельно устала. Миша сказал, что дело в том, что я потратила слишком много энергии после того, как выпила зелье, и мне нужно отдохнуть. Но я всё ещё невероятно вымотана, совсем как в худшие дни моей человеческой жизни. Возможно, энергия

и жизненная сила не приходят к тем из нас, кто стал фейри благодаря зелью. Может быть, эти дары предназначены для тех, кто был рожден фейри.

Я иду в уборную, а вернувшись в спальню, вижу у моей кровати незнакомую женщину в ярко-голубом платье. С ее вытянутых, словно она приносит подношения, рук свисают тяжелые юбки.

– Кто вы? – спрашиваю я.

– Дженни. Я услышала, что вы встали, и подготовила ваш наряд на ранний ужин. – Она улыбается, как будто мое пробуждение – лучшее, что случилось с ней за весь день. – Вы позволите помочь вам одеться? – спрашивает она, делая шаг ко мне.

Я указываю на платье:

– Только не это.

Больше никому не позволю заставлять меня носить тяжелые юбки и утягиваться корсетами, от которых невозможно дышать. Хватит с меня хлипкой обуви и тонких тканей. Я устала, что меня контролируют.

– Вы предпочитаете другой цвет? У нас есть много вариантов, из которых вы...

– Штаны. – Я пытаюсь улыбнуться, чтобы смягчить резкость, с которой было произнесено это слово. – Пожалуйста.

– Как пожелаете, миледи. – Она бросает платье на кровать, подходит к шкафу и распахивает дверцы. Внутри находятся пышные платья всех цветов радуги. Жаль, что я не

могу отправить их Джас. Мои губы растягиваются в улыбке, когда я представляю, как она разрезает их и использует ткани для своих собственных творений. Но улыбка меркнет, когда я понимаю, что, возможно, больше никогда не увижу, как она загорается, задумав свое очередное творение.

Ах, если бы я могла снова стать человеком. Если бы я могла вернуться в Элору и забыть об этом кошмарном мире.

– Чья это одежда? – спрашиваю я.

Дженни бросает на меня вопросительный взгляд через плечо.

– Что?

– В шкафу полно вещей. Чья это одежда?

– Ваша, миледи.

Я хмурюсь и рассматриваю платье, которое лежит на кровати. Я его не узнаю, но в Золотом дворце у меня было больше платьев, чем я успела бы надеть за всю свою жизнь. Я никогда не обращала на это особого внимания и позволяла выбирать одежду Тесс и Эмме.

– Из Благого двора? – спрашиваю я.

– Нет, миледи. Это новая одежда, купленная для вашего пребывания в наших краях. Его величество попросил нас приготовить ее для вас, пока вы спите.

Как они смогли сделать это так быстро? С помощью магии? И как я не услышала, что все занесли это сюда? Но я даже не пытаюсь задавать эти вопросы. Меня не покидает ощущение, что все это – ложь. В этом королевстве все –

ложь.

– Конечно, мы внесем коррективы, – говорит она, – теперь, когда нам известно, что вы предпочитаете штаны платьям.

Выдвинув ящик, она достает пару светло-коричневых кожаных штанов для верховой езды и белую блузку и кладет их на кровать рядом с платьем. Затем она открывает ящик и достает комплект нижнего белья.

– Я в состоянии одеться сама, – говорю я, когда она достает из шкафа пару сапог для верховой езды.

– Разумеется, миледи. Как пожелаете. Я подожду в коридоре и, когда вы будете готовы, провожу вас на обеденную террасу. – Она слегка склоняет голову.

Я неловко переминаюсь с ноги на ногу. Даже после нескольких недель, проведенных в Золотом дворце, где меня баловали и обслуживали, мне все еще некомфортно иметь прислугу. Я так привыкла быть служанкой, что мне вряд ли будет комфортно кому-то приказывать.

– Спасибо.

Она поворачивается к двери, но останавливается, положив руку на ручку.

– Это я должна вас благодарить, – шепчет она.

– За что?

– За то, что вы сняли проклятие. – Она не сводит взгляда с двери. – Я потеряла дорогого друга из Золотого двора. На него напал фейри теней, в его собственном доме. Он...

– Не смог защититься, – шепчу я, тут же ругая себя за то, что говорю очевидные вещи. Из-за проклятья королевы Неблагие стали смертными и могли пользоваться своей магией только ценой своей жизненной силы. Им пришлось приносить человеческие жертвы, чтобы использовать магию и не умереть. Но ценой такого великого проклятия было, в частности, лишение Благих способности причинять физический вред Неблагим. Поэтому Благие стали беззащитны от атак Неблагих. Это углубило пропасть между дворами. – Соболезную.

Она кивает.

– При ее дворе не все такие, как она, – говорит служанка, а затем выбегает за дверь.

Я медленно одеваюсь. Штаны из мягкой кожи идеально сидят на моей талии и бедрах. Узлы на рукавах блузки с квадратным вырезом несут скорее эстетическую функцию – как и многие женские вещи как дома, так и здесь, в Фейри. Но она сшита из мягчайшего хлопка и позволяет мне свободно двигаться, поэтому я не возражаю против ненужных излишеств.

Я знаю, что сапоги будут впору, еще до того, как надеваю их. Они из более темной кожи, чем брюки, и облегают мои икры. Я неторопливо затягиваю шнурки чуть ниже колена, утешая себя мыслью, что при необходимости смогу убежать. Я не стану углубляться в размышления о том, как слуги Миши узнали мой размер или почему король так щедр. Увере-

на, это все не просто так, – ведь и я не просто так принимаю его щедрость.

«Потому что у тебя нет никого и ничего. Потому что у тебя нет выбора».

Выбросив из головы мрачные мысли, я заканчиваю одеваться и поворачиваюсь к зеркалу, висящему над столом. Увидев себя, я застываю как вкопанная.

Женщина в зеркале похожа на меня, но это не я. Ее карие глаза того же оттенка, что и мои, но почему-то сияют ярче. Черты лица те же, но кожа светится, а ее уши...

подавив волну эмоций, от которых горло сводит судорогой, я откидываю назад свои короткие рыжие кудри и рассматриваю уши. Эти изящно заострённые кончики – самое явное свидетельство моей трансформации. Во всем остальном я почти могла бы сойти за человека. Но эти уши означают, что я никогда не смогу вернуться в Элору и увидеть Джас.

Все ли с ней в порядке? Нашла ли она работу? У нее нет долгов, и с ее навыками швеи она без проблем сможет себя содержать. Не удивлюсь, если переберется к моей подруге Ник и ее дочери Фаун. Мне кажется, это соглашение пойдет на пользу всем троим.

Но хоть я и знаю, что с ней все в порядке, это не компенсирует того факта, что я, возможно, никогда больше ее не увижу. Из всего, что Себастьян украл у меня, это ранит сильнее всего. Если я буду нужна Джас, я не смогу вернуться в

Элору, чтобы позаботиться о ней. Я никогда больше не смогу там жить. Я никогда не смогу вернуться домой.

Домой.

Это было совсем недавно. Прежде чем связать себя узами с Себастьяном, я сказала ему, что Фейрскейп – не мой дом и я не уверена, что он вообще у меня есть. Он поцеловал меня, и его слова были такими сладкими на моих губах.

«Эту проблему я могу решить... если ты позволишь».

Вздвогнув, я набрасываю одеяло тьмы на воспоминание, задушив его, как блуждающее пламя. Неужели все это было ложью? Каждое прикосновение его губ, каждое прошептанное обещание? Неужели все это были уловки, чтобы украсть корону? Неужели все это было неправдой?

Я не могу думать об этом прямо сейчас. И не буду.

Когда я выхожу из комнаты, Дженни ждет меня в коридоре, как и обещала, но коридор находится... на улице. В стене напротив моей есть двери, но потолка нет, если не считать купола верхушек деревьев высоко над головой. Здесь щебечут и порхают птицы, а лёгкий ветерок играет кончиками моих волос.

Дженни ведет меня по ярко освещенным коридорам, пока мы не выходим к великолепной извилистой алебастровой лестнице с блестящими деревянными перилами. Если в Золотом дворце, куда бы я ни посмотрела, все напоминало мне о блеске и сиянии безоблачного дня, дом Миши напоминает мне о самых красивых уголках леса, как будто земля, камень

и деревья собрались вместе, чтобы почтить его.

Мое внимание привлекает звук журчащей воды, и я выглядываю через перила, чтобы увидеть небольшой ручей, текущий по коридору внизу, прорезающий каменный пол, который выглядит старым, как время, и создает впечатление, что все остальное здесь было построено вокруг него.

– Что это за место? – спрашиваю я.

Она улыбается, но продолжает смотреть на ступеньки, пока мы направляемся к лестничной площадке.

– Это дом Его Величества, известный большей части королевства как Замок Гор. Он был так назван потому, что был построен вокруг и внутри самой горы. Разве это не самый красивый из всех дворцов двора?

– Я верю, что это так.

Не то чтобы у меня была возможность досконально изучить дворец Неблагих – во время моих визитов к Мордеусу мне не предлагали сходить на экскурсию. Трудно представить себе подобную красоту в месте, где правил такой злой король.

Ручей вьется по просторным коридорам, и мы идем вдоль него, пока не достигаем открытой террасы с видом на пышную зеленую долину. Ручей протекает под массивным столбом из красного дерева и под стеклянными перилами, где каскадом низвергается на край террасы.

– Здесь красиво, – выдыхаю я, сама того не желая.

– Спасибо, – говорит Миша, и я отвожу взгляд от круто-

го обрыва. Он держит бокал вина и прислоняется к основанию массивной секвойи, которая, кажется, уходит корнями в каменный пол террасы. Он выпрямляется и делает шаг ко мне. – Хотелось бы мне сказать, что это моя заслуга, но именно мои предки, за много поколений до меня, сочли уместным позволить сформировать наш дворец диким землям.

– Я в жизни не видела ничего подобного, – признаюсь я. – Это прекрасно.

– Как и ты, принцесса. – Он медленно оглядывает меня, его брови медленно поднимаются, как будто каждая частичка меня преподносит ему какой-то новый сюрприз. – Теперь, когда ты чистая, я чётко вижу, в чем заключается твоя привлекательность.

– Привлекательность?

Он снова смотрит мне в глаза, и я вижу в его глазах искорки.

– Пока мы разговариваем, за тебя борются два самых могущественных мужчины в нашем королевстве. – Он ведет рукой вверх и вниз. – И сейчас, когда ты привела себя в порядок, я понимаю почему. Возможно, я позволю им уничтожить друг друга и оставлю тебя себе.

Я ахаю.

Ну что за свинья.

– Ты этого не сделаешь.

Он поднимает бровь, уголок его рта дергается в усмешке.

– Нет?

– Во-первых, меня никто не «оставляет». Во-вторых, ты женат, и я уверена, что твоя жена не оценит...

– Моя жена и бровью не поведет, – тихо посмеивается он. – Здесь тебе не мир смертных. И здесь брак – далеко не то же самое, что там. Ожидания совсем другие. Особенно если супруги – члены королевских семей.

– Все правильно. Какие дурачки эти смертные простолюдины, ждут от своих спутников жизни любви и доверия. Вам, фейри, должно быть, это кажется таким смешным, ведь для вас нет ничего важнее власти и статуса.

Он внимательно смотрит на меня, наклонив голову.

– Я тебя задел?

Я с трудом сглатываю и погружаюсь в свои эмоции. Я слишком раскрылась перед ним.

– Нет. Мне все равно, как ты смотришь на брак.

Он фыркает.

– Конечно, все равно. Расслабься. Мне от тебя ничего не нужно. Ты интересуешь меня только как союзник. Начнем? – Он ведет рукой, и на столе появляется угощение. Свеженарезанные фрукты, миски с дымящимся картофелем, подносы с тонко нарезанным мясом, политым ароматными соусами.

У меня текут слюнки, и неожиданно я понимаю, что просто умираю от голода. За те короткие недели, что я провела в Фейри, я привыкла к регулярным, сытным трапезам, но с тех пор, как покинула дворец, ела всего один раз. Мне кажется, что если я сейчас не поем, мой желудок переварит сам себя.

До сих пор я доверяла Мише. Наверное, ему можно доверять и дальше. Поэтому я сажусь за стол и жду, пока он сядет напротив меня. Мы тихо наполняем наши тарелки, и я насто-роженно жду, пока он откусит несколько кусочков, прежде чем приступить к трапезе самой. Небольшая осторожность не повредит.

Но после того как я откусываю первый кусочек, я чуть не схожу с ума от удовольствия. Мясо просто тает во рту – оно прекрасно приправлено, – а когда я пробую фрукты, по моему языку разливается сладкий сок. Я начинаю есть медленнее только когда понимаю, что Миша откинулся на спинку стула и наблюдает за мной.

– Что? – я вспыхиваю и кладу вилку на стол.

– Прости, что не накормил тебя, когда ты только прибыла. Ты выглядела так, словно вот-вот упадешь, и, учитывая, что ты недавно приняла зелье, я подумал, что лучше всего тебе будет поспать. – Он смотрит на мою тарелку, и я понимаю, что она уже наполовину пуста. – Возможно, я сделал неправильный выбор.

– Все в порядке.

– Нет, но скоро так и будет. Ты несколько раз наешься досыта, выплещешься и будешь чувствовать себя совсем не так, как вчера утром.

Я хмурюсь:

– Вчера утром? Ты про сегодняшнее утро?

Он качает головой:

– Ты проспала полтора дня, принцесса, и этого, вероятно, было недостаточно. Я слышал, что некоторые люди, выпив Зелье жизни, проспали целую неделю. И даже после этого обычно им рекомендуют несколько дней оставаться в постели, чтобы их тела могли восстановиться после трансформации. Но ты не сделала ни того ни другого. Ты проспала ночь, бежала через сельскую местность земель Благих. Я молчу о необычайном количестве магической энергии, которую ты потратила, чтобы сбежать из Золотого дворца и помочь тем детям. По всем правилам, ты должна была упасть еще до того, как прошла через дворцовые ворота.

– Но вот я здесь.

– Но вот ты здесь. Могущественнее, чем я могу объяснить. – Он медленно и внимательно обводит меня взглядом, и в его глазах я четко вижу одобрение.

Мне льстит такое внимание, но я сопротивляюсь. Несомненно, это какая-то манипуляция.

Медленно, слишком скованно, я снова беру вилку и нанизываю на нее небольшой кусочек еды.

– Где все твои люди? – спрашиваю я, прежде чем отправить вилку в рот.

Миша оглядывает тихую террасу.

– Поскольку на этот вопрос невозможно ответить точно, тебе придется уточнить.

– Придворные, – говорю я, взмахивая вилкой. Себастьян, казалось, никогда не оставался в одиночестве. Если с ним

была не одна из его потенциальных невест, то был Риаан – обычно вместе с несколькими другими стражниками и членами его совета. – Советники, друзья, обитатели твоего дворца? – Я делаю паузу. – Твоя жена?

Он складывает руки на столе и наклоняется вперед.

– Амира, моя королева, очень хочет с тобой познакомиться, но сейчас к ней нельзя. Что же до остальных... – Он пожимает плечами. – Я хотел, чтобы сегодня вечером ты была только в моем распоряжении. Нам нужно многое обсудить, и большая часть этих тем слишком важна для меня. Так что я не могу допустить, чтобы при нашем разговоре присутствовали другие глаза и уши.

Я кричу.

– Что тебе может быть нужно обсудить со мной? Я всего лишь глупая девчонка, которую обманом заставили связать себя узами с принцем-манипулятором.

И снова я сказала больше, чем хотела. Кажется, я ничего не могу с собой поделать.

Его глаза вспыхивают, он наклоняет голову.

– Твой гнев очень силен. Мне это нравится.

– Ты даже не представляешь, насколько я сердита. Если это какой-то трюк, если ты пытаешься заставить меня работать с Финном или воссоединиться с Себастьяном, то очень скоро ты познаешь всю мощь моего гнева.

Он ухмыляется.

– Принц Ронан знает, что не может явиться в этот дворец

без приглашения. Если он это сделает, он рискует развязать битву, которую наверняка проиграет. Но я все равно невероятно хочу его пригласить, хотя бы чтобы позволить тебе выпустить сдерживаемую ярость. Презабавное бы вышло зрелище.

Я склоняю голову и делаю долгий, медленный вдох.

– Кто-нибудь когда-нибудь говорил тебе, что невежливо копать в мыслях и эмоциях другого человека?

– Прости, – вздыхает он. – Я веду себя как бесчувственная скотина, но клянусь, я желаю тебе добра. Просто с тех пор, как два таких сильных мужчины сражались из-за женщины, прошло много веков. Целые тысячелетия. Тогда это тоже были два брата, и в этот раз все так же важно, как и в тот. – Он щелкает пальцами, и на столе рядом с моей вилкой появляется бокал вина. – Предлагаю в качестве извинения бокал моего лучшего вина.

Я не обращаю внимания на бокал и поднимаю голову.

– Ты постоянно повторяешь, что за меня борются двое мужчин. Почему ты так говоришь?

– Принц Ронан и принц Финниан? Тебе это ни о чем не говорит? Или за тебя борются еще какие-то могущественные мужчины? Если да, то лучше, если я узнаю об этом сейчас. Не люблю сюрпризы.

Я смеряю его ледяным взглядом.

– Но разве ты не знаешь? Или мы притворяемся, что ты сейчас не читаешь мои мысли?

Он вздыхает.

– Очевидно, что за тебя борются Ронан и Финниан.

– А как ты это узнал?

– Во Дворе Луны у меня есть глаза и уши.

Ну разумеется. Кажется, у каждого в этом королевстве повсюду есть шпионы. Удивительно, что здесь вообще можно хоть что-то хранить в секрете.

– Может, и боролись, но дело было вовсе не во мне. Себастьян связал себя со мной узами, потому что знал, что это убьет меня. Из-за проклятия ритуал бы меня убил, а после моей смерти он получил бы корону. Дело было в короне – в том, кто является законным правителем двора теней. Не во мне.

– Ты так в этом уверена? – спрашивает Миша, поднимая свой бокал.

– Да, уверена. И это такое облегчение. Мне надоело быть пешкой. Они могут сколько угодно бороться за этот проклятый двор. Ко мне это больше не имеет никакого отношения.

С его губ срывается усмешка.

– О если бы это было правдой.

– Это правда. – Я машу рукой у себя над головой: – Видишь? Короны нет.

Он наклоняет голову.

– Может быть, ты хочешь увидеть это собственными глазами? – Он свистит, и большой бурый пятнистый ястреб срывается с ветвей секвойи и садится Мише на плечо. – Это

Шторм, мой фамильяр.

Я хмуро смотрю на ястреба.

– Понятия не имею, что это такое.

– Это значит, что наши умы связаны. Он повинуется мне.

Служит мне.

Я сразу же думаю о баргесте, гигантском чудовище-волке, которое напало на меня, когда я впервые попала в это королевство. Себастьян сказал, что иногда Неблагие делают их своими фамильярами. Он предположил, что нападение, возможно, не было случайным.

– Я не имею никакого отношения к собаке смерти, – говорит Миша. – Мои существа не нападают на других. Во всяком случае, не нападают первыми. Но вот если нападают на них... – он пожимает плечами.

– И что я должна увидеть в этой птице? – спрашиваю я.

– Шторм сегодня утром вернулся из Двора Луны. Если ты согласишься посмотреть ему в глаза, он сможет показать тебе, что он там видел.

– Мне не нужно знать. Это меня не касается.

Уголок рта Миши дергается вверх. Мои слова явно его позабавили.

– Шутишь?

Глаза у птицы такие же, как у Миши, – красновато-коричневые и светящиеся. Когда я смотрю на них, зрачки ястреба расширяются и сужаются.

– Я не вижу...

Уж не знаю, что я ожидала почувствовать, но я совершенно не была готова к тому, что это будет вот так.

Мое сознание неожиданно вырывается из моего тела, и я понимаю, что... лечу. Лечу, как хищная птица, кружу над башней замка, влетаю в высокое окно и сажусь на каменный выступ.

Внизу, у окон стоит Финн. Его хорошо видно в ярких лучах солнца. Я сразу же узнаю огромный зал с хрустальными люстрами и сверкающим мраморным полом, даже несмотря на то что Мордеус не ухмыляется мне со своего места возле трона.

Это тронный зал Неблагого двора.

Глава 5

Когда я была в этой комнате в последний раз, я вонзила нож в грудь фальшивого короля. Я смотрела, как его безжизненное тело падает рядом с телом ни в чем не повинной девушки – той, которую он убил, чтобы наказать меня за то, что я отказалась заключить с ним узы.

Сейчас в комнате находятся те, кого я когда-то считала друзьями: Финн со своими зоркими волчицами Дарой и Лунной; Джалек, Благой перебежчик; Прета, невестка Финна, и дочь Преты, Ларк. Ларк сжимает руку матери и поднимает взгляд на ястреба. Интересно, знает ли она, что за ними наблюдают, и знает ли, что в будущем я увижу эту сцену.

Финн говорит, но звуки, которые срываются с его губ, не имеют для меня никакого смысла. Я понимаю, что ястреб не понимает звуков, он запоминает их только для своего хозяина. Я смотрю на рты присутствующих и сосредотачиваюсь.

– Я хочу, чтобы все были готовы уходить в любой момент, – говорит Финн. Он все еще сосредоточенно смотрит в окно. Я не могу сказать, что он видит, но чувствую его беспокойство и горе. Он невероятно устал.

– Что ты говоришь? – спрашивает Прета, сурово глядя на Финна. Она складывает руки на груди. – Мы так долго ждали возвращения сюда, но ты собираешься сбежать, поджав хвост?

Он качается и хватается за подоконник, чтобы удержаться на ногах. Его волчицы, Дара и Луна, толкают его в руки и тихо скулят.

– Корона у Себастьяна, – говорит Джалек, бросая на него острый взгляд темно-зеленых глаз. – Финн прав. Это только вопрос времени.

– Значит, мы просто сдадимся? – спрашивает Прета.

Финн закрывает глаза, и я вижу, как на его лбу поблескивают капельки пота.

– Проклятие снято. И сейчас принц Ронан направляется сюда, чтобы заявить свои права на этот трон. Как только он это сделает, у нас не будет ни единого шанса против его силы.

– Если он уже в пути, мы вышлем наших людей поприветствовать его, – огрызается Прета.

– Ты думаешь, он настолько глуп, что войдет через парадную дверь? – спрашивает Джалек. – Он попросит своего гоблина перенести его прямо в тронный зал – возможно, прямо на трон.

– Тогда мы будем ждать у трона с мечами наготове, – говорит она, и мое сердце разрывается от печали и отчаяния в ее глазах. До сих пор я не понимала, как сильно я скучала по ним – я не позволяла себе думать об этом.

– Какая часть фразы «у него корона» тебе не понятна? – спрашивает Финн, потирая виски. – Я слишком устал, чтобы продолжать этот спор.

Прета качает головой:

– Ты не устал. Ты болен. Тебе нужен отдых – отдых в твоей собственной постели, в твоём собственном доме.

Финн поворачивается спиной к окнам и поднимает голову, прислоняя лицо к стеклу. Прета права. Он действительно выглядит больным. Его смуглая кожа выглядит тревожно бледной, а в позе чувствуется нехарактерная слабость.

– В любую секунду этот тронный зал будет кишеть людьми Себастьяна и их гоблинами, – говорит он. – Они появятся здесь в мгновение ока, будут вооружены и готовы убивать. Одно дело стоять на своем, когда мы думали, что Орда Проклятых выйдет из укрытия и будет прикрывать нас. Но оставаться без них – просто самоубийство.

– Они скоро будут здесь, – говорит Прета. – Генерал Харгова тебя не оставит.

Финн качает головой:

– Слишком поздно – и неважно, на минуту или на столетие. Мы уходим.

– А как же твой двор? – спрашивает Прета.

– Мы будем делать все, что в наших силах, без трона, – говорит Финн.

Боль в его глазах поражает меня до глубины души. Финн и его люди, вероятно, находились во Дворе Луны с того дня, как я убила Мордеуса. Без короны правление Финна будет не более законным, чем правление фальшивого короля. Пока корона была у меня, никто другой не мог претендовать на трон, но теперь корона у Себастьяна, из-за меня. А это зна-

чит, что Финн никогда не займет Трон Теней.

Так или иначе, несмотря на все, что он сделал, чтобы обмануть меня, я все еще верю, что Финн стал бы хорошим королем.

– Прета, битва проиграна, но мы не проиграем войну.

По лицу Преты текут слезы, и мое сердце сжимается от того, насколько глубокое на нем написано горе. Она потеряла в этой войне своего мужа – брата Финна – и теперь, из-за меня, все было напрасно.

– Это не навсегда, – говорит Финн, заставляя себя выпрямиться. – Только на время.

– Это перебор, – говорит она, опуская голову.

– Финн. – Кейн протискивается в тронный зал и встает рядом с Претой. Однажды его красные с черным глаза меня напугали, но потом я узнала его и остальных членов веселой банды отщепенцев получше. Его люди стали моими друзьями. Или я так думала. Оказалось, что у них были свои планы.

Совсем как у Себастьяна.

– Мы уходим, – говорит Финн Кейну. – Я только что говорил об этом Прете.

Кейн качает головой:

– Возможно, нам не придется. В Золотом дворце произошли беспорядки.

Финн выжидающе поднимает бровь.

– Абриелла, – улыбается Прета. – Пожалуйста, скажи мне, что она вонзила тот железный клинок в сердце Себастьяна.

Ему там самое место.

Кейн подмигивает ей, как будто она только что сказала что-то наводящее на размышления.

– К сожалению, это не так, но мне нравится ход твоих мыслей.

– Так что же случилось? – спрашивает Финн.

– Принцесса проснулась и не слишком благосклонно отнеслась к манипуляциям своего дорогого принца.

Они все еще называют меня принцессой, даже сейчас. Хотя, думаю, решив связать себя узами с Себастьяном, несмотря на их предупреждения, я показала, что они были правы. Какая же я дура.

– И что она сделала?

Лицо Кейна искажается злобной ухмылкой.

– Погрузила весь дворец во тьму. Она захватила своей силой половину его людей. Никто не мог добраться до них или увидеть хоть что-нибудь, когда Абриелла покидала замок.

Губы Преты медленно растягиваются в улыбку.

– Молодец, – бормочет она.

Джалек хмыкает.

– Была бы она такой умной, она бы прежде всего не стала бы связывать себя узами с мальчишкой.

– Сейчас мы ничего не можем с этим поделать, – говорит Финн, не сводя глаз с Кейна. – Какое это имеет отношение к тому, что Себастьян может заявить свои права на трон?

Улыбка Кейна становится шире.

– Мои источники сообщают мне, что он отказывается проводить коронацию без нее. Он хочет дождаться ее возвращения, чтобы доказать ей свою преданность.

– Возвращения? – Прета усмехается и вытирает щеки. – Как будто она вышла прогуляться и вовсе не беснуется из-за его предательства где-то за тридевять земель.

Ларк улыбается матери.

– Он не может занять трон. Он его не получит.

Все взгляды в комнате устремляются на Ларк, и Прета подхватывает дочь на руки.

– Дорогая, скажи, что ты имеешь в виду.

– Ларк... – Финн делает шаг вперед, затем снова отшатывается, опираясь на стену.

Кейн бросается к нему и подхватывает его прежде, чем он успеет упасть.

– Что такое?

– Он болен, – говорит Прета.

Кейн качает головой:

– Это совершенно бессмысленно. Проклятие снято. Я уже много лет не чувствовал себя так хорошо. И ты должен тоже.

Финн делает глубокий вдох.

– Со мной все будет в порядке. – Он поворачивается к Прете. – Пошли кого-нибудь в дом и осмотри его на предмет любых признаков того, что Абриелла нас ищет. Если она появится, дай ей все, что ей будет нужно.

– Почему? – спрашивает Джалек. – У принцессы нет ко-

роны. Она нам больше не нужна.

Финн поворачивается к нему, прищурив глаза, и Джалек выпрямляется и отступает. На его лице видно раскаяние.

– Прошу прощения, Ваше Высочество, – говорит он, склонив голову.

«Она нам больше не нужна».

Джалек прав. Теперь, когда корона у Себастьяна, я больше никому не нужна. Но от такой прямолинейности мне становится очень-очень больно.

– Ларк, – говорит Финн, шагая к ней. На этот раз ему удалось это лучше, чем в прошлый. – Почему принц Ронан не сможет занять трон?

– Королева Мэб создала трон с помощью своей собственной магии. Магия не свободна. Есть правила, – говорит Ларк. – Себастьян их не соблюдает.

Прета и Финн обмениваются взглядами.

– Что за правила? – спрашивает Кейн.

– Правила Мэб. Все это время она защищала свой трон, – улыбается Ларк. – Себастьян не сможет получить его без сил Абриеллы.

– Я не понимаю, – качает головой Прета. – Абриелла уже отдала Себастьяну корону, когда заключила с ним узы.

Ларк прижимается щекой к груди матери.

– Я знаю. Она не хотела умирать, – шепчет она.

– Все хорошо. – Прета гладит ее по волосам. – Теперь с Абриеллой все хорошо.

– Я сказала ей, что она потеряет все, – говорит Ларк, ее глаза закрываются от успокаивающего прикосновения матери. – Она не хотела быть королевой, но я сказала ей, что все хорошо, потому что она потеряет все.

Мое сердце сжимается, когда я вспоминаю этот разговор. Ларк пришла ко мне в одном из моих снов и сказала, что в некоторых ее видениях я умирала, а в других становилась королевой. Я сказала ей, что не хочу быть королевой и иметь столько всего, когда у других нет ничего. А она сказала, что все хорошо, потому что я потеряю все.

Она была права. Я потеряла все в тот момент, когда Себастьян меня предал. Я потеряла свою человеческую жизнь, возможность вернуться к сестре и мужчине, которого любила. Я уже потеряла все. Но она ошиблась, полагая, что я буду сидеть на троне рядом с Себастьяном.

Никогда.

После того, что он со мной сделал, – никогда.

Прета и Финн что-то говорят, и я заставляю себя сосредоточиться, чтобы понять их слова через разум ястреба.

– Если Себастьяну почему-то нужно, чтобы Абриелла заняла этот трон, – говорит Прета, – тогда нам нужно сначала найти ее.

У меня нет времени заикливаться на этой мысли: мне показывают другое видение. Ястреб сидит в немного другом месте, но на этот раз в тронном зале стоят только Финн и Кейн.

Финн выглядит усталым, но не таким больным, как в первом видении. На его щеках играет слабый румянец, и он уже не такой сутулый. Кажется, что он даже может воспользоваться мечами, которые вложены в ножны, висящие на каждом его бедре.

– В старом доме нет никаких признаков Абриеллы, – говорит Кейн. – Источники сообщают также, что она не вернулась в Золотой дворец.

Финн кивает, не отрывая взгляда от вида за окном.

– Она все еще ему не доверяет. И нам тоже. – Он выдыхает. – Но мне интересно, где она. Себастьян мог легко выследить ее с помощью уз.

– Слава богам, он этого не сделал, – говорит Кейн. – Если она действительно нужна ему, как мы подозреваем, у нас есть немного больше времени.

– Но все это не объясняет видения Ларк. Что, если Ларк права и трон не примет его? Что, если, получив корону от Абриеллы, он не получил остального, что ему было нужно?

Кейн моргает, глядя на Финна.

– Возможно ли это? Можно ли отделить корону от ее силы?

Финн делает глубокий вдох.

– При побеге из Золотого дворца она продемонстрировала необыкновенную силу.

– Более мощную, чем могло дать человеку, ставшему фейри, Зелье жизни, – говорит Кейн, похоже, обдумывая его сло-

ва. – Как ты думаешь, он знает, что трон его не примет?

– Не уверен, что знаю ответ на этот вопрос, – говорит Финн.

Я пытаюсь уследить за их разговором, и у меня кружится голова. О чем они говорят? Какое отношение моя сила имеет к тому, что Себастьян займет трон?

– Если ты прав, – говорит Кейн, – он захочет ее вернуть. Что это значит для Абриеллы?

– Ничего хорошего, – говорит Финн, проводя рукой по своим черным кудрям. – От него можно всего ожидать. Но он сделает свой ход достаточно скоро – будет у него сила, которую требует трон, или нет.

– Дворец окружен щитом, и пока мы говорим, в горах собираются наши силы. Даже без солдат Хариговы мы сможем...

– Финн! – Голос Джалека эхом отдается в похожей на пещеру комнате. – Ларк говорит, что скоро у нас будут гости.

Кейн поворачивает голову к окну и смотрит на линию горизонта.

– Я не вижу никаких...

– Здравствуй, брат, – тихо говорит Финн.

В другом конце комнаты, на возвышении, где раньше никто не стоял, рядом с гоблином стоит Себастьян, одетый в блестящую черную тунику с серебряным кантом. Я так привыкла видеть его в серо-желтых цветах Двора Солнца, что в более темных тонах он выглядит неестественно. Как ребен-

нок, играющий в переодевания.

Глаза Себастьяна широко раскрыты, когда он смотрит на Финна сверху вниз. Он обхватывает пальцами рукоять своего меча.

– Я не хочу причинять тебе боль.

– Странная причина вытаскивать свой клинок, – говорит Кейн, подходя ближе к Финну и положив руку на свое собственное оружие.

– Мои стражники уже в пути, – говорит Себастьян. – Твой щит может их замедлить, но ты забываешь, что как только я сяду на трон, я смогу его убрать. Я смогу сделать так, что в этом дворце будут те, кто присягнул мне.

– Так почему ты медлишь, Ронан? – спрашивает Финн, складывая руки на груди. Он склоняет голову набок. – Ой, извини. Может быть, ты предпочитаешь, чтобы тебя звали «Баш», как это делала Абриелла? Хотя сомневаюсь, что она когда-нибудь сделает это снова...

Себастьян бросается вперед, но Джалек вскидывает руку, и он отскакивает назад, будто наткнувшись на невидимую стену.

– Я знаю, что ты прячешь ее во дворце Миши.

Финн улыбается, и если бы я не провела столько часов, тренируясь с ним, я бы, вероятно, не распознала за этой улыбкой нетерпение и гнев.

– Тогда ты знаешь, что она в безопасности, – говорит он, как будто не он только что обсуждал с Кейном, что понятия

не имеет, где я нахожусь.

Они все еще используют меня, чтобы манипулировать друг другом.

Глаза Себастьяна вспыхивают гневом.

– Дай мне ее увидеть. Я отправлю своего гоблина. Я...

– Если бы она хотела тебя видеть, сейчас она была бы с тобой, – рычит Финн.

– Черт побери, Финн, – рывкает Себастьян. – Я не хочу причинять тебе боль.

– Мудро, – говорит Кейн, делая шаг к Финну. – Потому что Бри и так вряд ли тебя простит, но если ты причинишь вред Финну, она может возненавидеть тебя навсегда.

– Ты просто злишься, что она выбрала меня, – рычит Себастьян.

– О, я действительно злюсь, – говорит Финн, и я вижу, как сверкают его глаза. – Но она не выбирала тебя. Она выбрала образ, который ты для нее создал, прелестную сказку, с помощью которой ты ее обхаживал, – о бедном золотом принце с умирающей матерью и мечтой об объединении двух королевств после столетий, проведенных порознь.

– Это не выдумка, – говорит Себастьян. – Ты знаешь пророчество так же хорошо, как и я: король, который появится как чужак, уравновесит тень и солнце, спасет народ Мэб и положит конец войне. Я и есть этот король.

Кейн кашляет.

– Чушь.

Финн мрачно смеется.

– Забавно, что ты никогда не говорил ей, как... сложно было бы объединить королевства Благих и Неблагих. – Он прикладывает палец к губам и изучает потолок. – Нет, я неправильно выразился. Не сложно. Более уместно будет сказать – «невозможно». Наши дворы существуют для того, чтобы уравнивать друг друга. Они не могут соединиться без крови Мэб, и твой народ позаботился о том, чтобы ее род давным-давно был прерван.

– Ты тоже не сказал ей всей правды, – говорит Себастьян.

– Да, но у меня никогда не было таких нелепых планов. – Маска нарочитой веселости спадает с лица Финна. – Ты дурак, Себастьян, – говорит он, выделяя это имя как оскорбление. – Дурак, если веришь, что нашему королевству будет лучше, если им будет править один правитель. Ты хоть и молод, но знаешь историю. Ты же знаешь, насколько прогнившей стала королевская семья, когда они обладали такой властью.

– Полагаю, ты веришь, что проклятие Мэб спасло нас? – огрызается Себастьян.

– Да, – говорит Финн. – Верю. Тень уравнивает солнце, тьма уравнивает свет.

– А война нас всех убивает, – говорит Себастьян.

Финн вздыхает, подходит к основанию трона и берет Зеркало открытий.

– Ты сказал ей хоть слово правды? – спрашивает он, кру-

тя Зеркало в руке. – Так забавно. Ты подарил ей такой драгоценный артефакт, но совершенно забыл упомянуть о том, как он может исказить определенные вещи.

Финн хмыкает, и Себастьян делает шаг к нему, но останавливается и сжимает кулаки.

– Но это ведь было тебе на руку, да? – продолжил Финн. – Она верила, что ее сестра счастлива и здорова, что наш злой дядя дал ей все, в чем она нуждалась, пока она была здесь. – Он поднимает голову, смотрит на Себастьяна, а потом снова опускает взгляд на Зеркало. – Ты знал, что она увидит то, что надеялась увидеть. Знал ее достаточно хорошо, чтобы понять, что она была полна надежд. И даже не попытался ее предупредить.

– Не я один лгал.

– Может быть, и так, – говорит Финн, спокойно убирая зеркало на место, поворачиваясь к Себастьяну и пристально глядя на татуировки, видимые из-под туники принца. – Но я не скрывал так много.

Себастьян вытаскивает клинок из ножен, но Джалек бросается вперед быстрее, чем я могу уследить. В долю секунды он оказывается между Финном и Себастьяном. Он не сводит глаз с золотого принца.

– Джалек, – говорит Себастьян, как будто только что его заметил. Его губы кривятся в усмешке. – В последний раз, когда я тебя видел, ты был в подземельях – там тебе самое место. Возможно, ты вернешься туда, когда я стану королем.

И оттуда ты будешь наблюдать, как твой принц и твои друзья кланяются – мне.

– Мы будем кланяться только Финну, – рычит Джалек.

Финн делает шаг вперед и кладет руку на предплечье Джалека.

– Спокойно, друг. Мой брат здесь только для того, чтобы занять трон нашего отца. – Он машет рукой в сторону Себастьяна, а затем на трон. – Ни в коем случае не смеем тебя задерживать.

Джалек смотрит на Финна широко раскрытыми глазами.

– Что ты делаешь? – ворчит Кейн.

Взгляд Себастьяна скользит от Финна к полированному трону из черного дерева и обратно.

– Что ты с ним сделал?

Финн усмехается и подходит к основанию трона.

– Ты очень хорошо знаешь, что я не смог бы потревожить трон, даже если бы захотел. Он защищен магией Мэб.

Глаза Себастьяна сверкают.

– Ты ожидаешь, что я поверю, что ты хочешь, чтобы трон занял я?

Финн выпрямляется и складывает руки на груди, выражение его лица обманчиво расслабленное.

– Я никогда этого не говорил. Но корона у тебя, так что же тебе мешает?

Себастьян несколько очень долгих мгновений смотрит Финну в глаза, и воздух словно густеет от напряжения. Эти

мужчины манипулировали мной и обманывали меня, но я не хочу видеть, как они разрывают друг друга на части.

Себастьян вздергивает подбородок.

– Я не желаю тебе зла, Финниан. Этот трон был обещан мне еще до того, как я был зачат.

Финн усмехается.

– Забавно. Наш отец обещал мне то же самое.

– Оберон хотел, чтобы я правил. Он хотел объединить солнце и луну, свет и тень.

– Это он тебе сказал или твоя мать?

– Это мое право по рождению. Моя судьба.

Финн поднимает бровь.

– Твое право по рождению? Так вот почему он отдал твою корону смертной?

Себастьян бросает на Финна свирепый взгляд, а затем, так быстро, что я едва могу уловить его движение, садится на Трон Теней.

Комната наполняется чернильной темнотой безлунной ночи. Стены дрожат. Пол прогибается. Меня наполняет ужас, но я заперта в этом сосуде, в этом странном теле, в то время как дворец, кажется, вот-вот рухнет.

В тот момент, когда в комнате снова становится светло, Себастьян летит с трона на ступени основания и распластывается на них. Он тяжело дышит, его глаза широко раскрыты, но он не удивлен. Он осматривает трон с того места, где оказался на полу.

Джалек отступает от основания, глядя на Себастьяна, но переводит взгляд на Финна и спрашивает:

– Что происходит?

– Трон Теней не примет того, у кого нет силы короны, – говорит Финн, подходя к основанию трона.

– Но... корона же у него, – говорит Джалек.

– Ты знал, что так будет, – говорит Себастьян сквозь стиснутые зубы, безуспешно пытаясь встать.

Вот что я почувствовала вчера благодаря узам. Трон пытался его убить.

Финн пожимает плечами.

– Я думал о том, что это может случиться, когда Абриелла пришла ко мне во сне, после того, как связала себя узами с тобой. Корона у тебя, но уникальные силы Неблагого двора все еще у нее. А потом появились слухи, что она набросила тьму на драгоценный Золотой дворец твоей матери, и я не мог не задаться вопросом. В конце концов, ни одному среднестатистическому фейри не хватило бы сил сделать то, что сделала она, и уйти. Не говоря уже о том, чтобы сделать это, ещё не оправившись после приема Зелья.

– Я не уйду, – говорит Себастьян. – Этот дворец в такой же степени мой, как твой, и моя гвардия сейчас марширует по столице. Скоро они будут здесь.

Финн пожимает плечами.

– Чувствуй себя как дома.

Кейн изумленно смотрит на Финна.

– Да ты издеваешься.

– Если ты будешь спать под этой крышей, это не сделает тебя королем. Мордеус доказал это.

Джалек переводит взгляд с Себастьяна на Финна и обратно.

– Вы не хотите объяснить, что происходит?

Финн вздергивает подбородок.

– Может быть, Себастьян и забрал корону у Абриеллы. Но у Абриеллы все еще есть ее силы.

Глава 6

Резко, словно неожиданно пробудившись ото сна, я оказываюсь в своем теле и снова сижу за столом на террасе с Мишей. Меня начинает тошнить, содержимое желудка просится наружу. Я отодвигаю стул, встаю и подхожу к перилам, как будто открывающийся с них вид поможет мне прочно закрепиться в собственном теле и перевести дыхание.

– Я не понимаю. Почему Себастьян не может занять трон? В его жилах течет кровь короля Неблагих, у него есть корона. Почему у него нет и силы?

– Потому что она есть у тебя, – мягко говорит Миша. – Когда ты связала себя узами с Себастьяном, узы убили тебя. А поскольку ты не определила магическим образом своего наследника, корона последовала за заключёнными узами, как про проторенной тропе, и перешла к Себастьяну.

– Тогда в чем проблема?

– Корона звездного света у Себастьяна, – говорит Миша. – И если бы он просто заключил с тобой узы, у него была бы и сила короны. Но ему было мало одних только уз. Он дал тебе Зелье жизни и сделал тебя фейри. Тем самым он привязал магию короны к твоей жизни, прежде чем та могла бы перейти к нему вслед за короной.

Связал магию с моей бессмертной жизнью.

– Магия – жизнь, – шепчу я, вспоминая слова, которым

меня научил Финн. Сейчас кажется, что это было очень давно. Но я узнала это о Фейри всего несколько недель назад.

– Без короны и силы Себастьян не сможет занять трон.

Это еще не конец.

Я трясую головой, чтобы прогнать эту мысль.

– Не может этого быть. У меня нет силы Оберона. Я всего лишь человек. – Прежде чем Миша успевает указать на мою ошибку, я качаю головой: – Ты знаешь, о чем я.

– Да, знаю, но ты не просто человек, который стал фейри. Ты не заметила, что во время своего побега утопила дворец во тьме? Что заперла стражников в лагере беженцев в клетках пустоты?

– Да, но я думала... – Я сглатываю.

Магия – жизнь.

Я знала, что когда я стала фейри, мои силы остались со мной, но я никогда не думала, как это может повлиять на корону.

– Никто не думал, что это произойдет, – говорит Миша.

– Ты, кажется, думал.

– У всех нас были догадки о том, как корона может перейти от смертного ко Двору Луны. Но что будет и как она станет работать, если ты умрешь, не заключив узы с кем-то, кто точно может занять престол, не знал никто. Например, что было бы, если бы ты связала себя узами с золотым фейри, в жилах которого нет ни капли Неблагой крови? После твоей смерти корона перешла бы к нему? Это казалось ма-

ловоятным, поскольку чтобы унаследовать корону и сесть на престол, нужно иметь королевскую кровь Неблагих. Но то, как Оберон спас тебя – то, как он отдал свою жизнь и передал корону смертной, – противоречит всем правилам. А мы думали, что понимаем, как они работают. Все обсуждали, что будет с короной, если ты умрешь до того, как свяжешь себя узами, – с этой вероятностью были связаны всевозможные теории, – но никто никогда не задавался вопросом, что произойдет, если после заключения уз с Неблагим тебе дадут Зелье жизни.

Я могу только представить, как все сидят и как ни в чем не бывало обсуждают мою смерть. Я бросаю на Мишу хмурый взгляд через плечо.

С губ Миши срывается смешок.

– В чем дело?

– Ты знал. Вот почему ты привел меня сюда. Ты понял это прежде, чем понял кто-то из них.

– Мои шпионы рассказали мне о силе, которой ты владела в Золотом дворце. А затем, в лагере, я собственными глазами увидел, на что ты способна. Конечно, я не знал этого наверняка. Но моя племянница посетила меня во сне в ту ночь, когда мы встретились в лагере беженцев, – она, как ты знаешь, провидица.

– Ларк, – шепчу я. Забавно, что этот огромный новый мир кажется таким тесным. Я уже и забыла, что Миша – дядя Ларк.

Он кивает:

– Да. Она сказала, что у Себастьяна нет того, что ему нужно, чтобы занять трон, и что ты бежишь. И попросила меня дать тебе приют, чтобы ты могла восстановиться. И так, зная о великой силе, которую ты продемонстрировала, и учитывая пророчество Ларк, я сделал очевидный вывод. А как только Шторм показал мне, как трон отвергает Себастьяна, мои подозрения подтвердились.

– Так вот что ты имеешь в виду, когда говоришь, что Финн и Себастьян борются за меня. Им нужна моя сила.

Точно так же, как они боролись, чтобы завоевать мое доверие, когда у меня была корона.

Это никогда не кончится.

– Думаю, все намного сложнее, но на самом базовом уровне – да. Трон не примет Себастьяна, потому что у него нет силы, и не примет Финна, потому что у него нет ни короны, ни силы. И, очевидно, он не примет тебя, потому что...

– Потому что я едва ли фэйри, не говоря о том, что во мне не течет королевской крови Неблагих.

– Ну да. – Он пожимает плечами. – Но даже если бы и текла, корона-то все равно у Себастьяна. Вне зависимости от того, как это кончится, ты нужна братьям, если Неблагой двор хочет устоять.

– Им нужно снова меня убить? – Я разворачиваюсь и направляюсь к столу. С моих губ срывается истерический смешок. – Одного раза было недостаточно?

Миша снова наполняет свой бокал вином.

– Это даже отдаленно не то, что я предлагаю.

– Я никогда об этом не просила.

Он прищуривается.

– Это мы уже обсуждали. Никто из нас не просит о бремени, которое нам приходится нести. Но от этого то, как мы справляемся с этим бременем, не становится менее значимым.

– Почему они не могут просто сделать новый трон?

Он хмыкает.

– Трон – это не просто кресло, принцесса. Это метафора, и его магия сильнее, чем ты можешь себе представить.

– Вот почему ты мне помогаешь, – тихо говорю я, смирившись с происходящим. Я тянусь за бутылкой вина и наполняю свой бокал. И плевать, если оно отравлено. Может быть, все это какой-то коварный план. Может быть, они задумали убить меня, забрать мою силу и передать ее Финну – в конце концов, сестра Миши была замужем за братом Финна. Они все равно что семья. Или, может быть, Миша сам хочет обладать этой силой. Я смотрю ему в глаза и нерешительно подношу бокал к губам.

– Оно не отравлено. Мне незачем тебя убивать. Как я говорил, раньше такого никогда не было. Трудно предугадать, что произойдет, если ты умрешь.

Я закатываю глаза и делаю глоток.

– Это так обнадёживает.

– Ты нужна мне. И была бы нужна, даже если бы у Себастьяна была бы и корона, и сила и в этот самый момент он сидел на троне. Королевство Неблагих невероятно разобщено. Последователи Мордеуса были верны не столько ему, сколько тому, как он правил. Его несправедливые законы и наказания были выгодны немногочисленной элите. И им было нужно именно это.

– Немногочисленной элите? – хмурюсь я. – Я думала, что за Мордеусом стоят массы, и именно поэтому Оберон не смог занять свое законное место правителя, когда вернулся из царства мертвых.

– Массы не стояли за Мордеусом, – говорит Миша, и в его голосе звучит смирение. – Массы гибли в этой проклятой войне. Но за ним стояло вокальное меньшинство, и у них была своя власть и влияние. Они поддержали Мордеуса, когда он украл трон у Оберона, потому что знали, что Финн предан простому народу – и его правление перераспределило бы власть и привилегии в их дворе. Последователи Мордеуса были готовы развязать гражданскую войну, чтобы этого избежать, и могу поспорить, были бы готовы и сейчас, где бы они ни были. У Себастьяна нет даже этого.

Я хмурюсь и пытаюсь сдержаться и не задавать еще один вопрос. Но если я чему-то и научилась от своего друга-гоблина Баккена, так это тому, что информация – сила.

– Были бы готовы и сейчас? Что ты имеешь в виду?

Миша пожимает плечами.

– Что они скрываются. После того как ты убила фальшивого короля, его последователи бежали, опасаясь, что Финн обрушит свои тайные легионы на дворец. Но где бы они ни были, они вернуться.

– У Финна есть тайные легионы? Типа – армия?

Это та Орда Проклятых, о которой они говорили в виде-нии?

Миша откидывается на спинку стула и окидывает меня изучающим взглядом.

– А чем, как ты думаешь, Финн занимался последние двадцать лет? Он собирал свои силы в горах, тренировал их, готовился к тому, что корона может быть потеряна навсегда и ему придется свергать Мордеуса без нее.

Я рассматриваю вино в своем бокале. При первой встрече с Финном я обвинила его в том, что он живет в роскоши, в то время как его народ страдает. Но чем лучше я его узнавала, тем больше я понимала, что он готов на все ради своего народа. Даже сейчас, несмотря ни на что, я чувствую себя виноватой за свою бесцеремонную попытку проявить жестокость.

– Итак, есть те, кто поддерживал Мордеуса, – продолжает объяснять Миша, – а есть те, кто поддерживает Финна. Но есть и те, кто хочет видеть на троне принца Ронана – кто сражался в Великой войне фейри и считает, что только правитель, в крови которого есть и свет, и тьма, сможет объединить королевство и спасти своих детей от бесконечной вой-

ны.

Я качаю головой, вспоминая спор, свидетелем которого стала благодаря ястребу.

– Финн сказал, что этого не может быть, что Себастьян не может править обоими дворами, – хмурюсь я.

– Финн прав, но привлекательность правления Себастьяна заключается не в том, что он будет править обоими дворами. Есть надежда, что королева Арья не станет воевать с королевством своего сына.

– Неужели. Прямо вот так и не станет?

Миша усмехается.

– Мне еще предстоит найти что-то, на что она не пошла бы, чтобы получить больше власти. Поэтому я думаю, что те, кто настаивает на этом, делают слишком оптимистичные предположения. Как бы то ни было, факт есть факт: двор теней никогда не был так разобщен, как сейчас, и пока он так разобщен, он слаб.

– Допустим. Но ты – король Диких фейри. Какое тебе дело до Неблагого двора?

Его глаза сверкают, ноздри раздуваются, и на мгновение он теряет самообладание, но почти тут же снова берет себя в руки.

– Странный вопрос от бывшей смертной, которая рисковала собственной жизнью, чтобы помочь десяткам детей Неблагих сбежать от королевы.

– Любой на моем месте поступил бы так же.

Он мычит.

– А вот я в этом очень сомневаюсь. Но довольно мило, что ты в это веришь, после всего, что тебе пришлось пережить.

Я отвожу взгляд, мои щеки горят от смущения. Я не хочу, чтобы Миша считал меня наивной простушкой, и мне не нужно, чтобы он допытывался, почему я чувствую, что должна помочь. Правда делает меня уязвимой.

Он вздыхает.

– Мне не плевать, потому что происходящее между дворами напрямую влияет на мое королевство и мой народ. Не плевать, потому что я знаю, что пока двор теней слаб, золотая королева будет извлекать выгоду из этой слабости.

– Что это значит?

– Войны не избежать, – говорит он, – но на этот раз Благие не будут втянуты в многовековую битву между двумя равными дворами. Они одержат победу. Золотая королева победит, и последствия будут катастрофическими не только для Неблагого двора, но и для моих земель и затронут даже королевство людей.

– Что же ей нужно? Что стоит того, чтобы рисковать тысячами жизней?

Миша поднимает ладони.

– А из-за чего развязывают войны в принципе? Ресурсы, территории, власть.

Я прищуриваюсь.

– А если конкретно?

– Гоблинские горы, разделяющие дворы, а посередине Ледяная река. Горы к востоку от реки – территория Неблагого двора, а к западу – Благого. Великая война фейри началась, когда золотые фейри попытались захватить весь горный хребет.

– Что в горном хребте может стоять того, чтобы потерять так много солдат?

– На первый взгляд ничего. Эти горы настолько священны, что даже гоблины не переносят фейри дальше предгорий. Но под горами можно найти наши самые ценные ресурсы. – Он кивает на мою грудь, на которой все еще висит подаренная Себастьяном подвеска. Я не позволяю себе думать о том, почему не сняла ее. – Камни огня.

Я вытаскиваю ожерелье и изучаю мягко светящийся драгоценный камень.

– В чем же их ценность?

– Они делают все... лучше. Сильнее. Камни огня делают магию мощнее. – Он поднимает руку и шевелит средним пальцем, на котором в вечернем свете сверкает камень канареечно-желтого цвета. – Когда ты носишь такой камень, твой магический диапазон и сила сильно расширяются.

Я фыркаю.

– Зная отношение фейри к магии, удивлена, что вы не обвешаны ими с ног до головы.

Он пожимает плечами и выглядит почти застенчивым, когда говорит:

– Полагаю, так и было бы, если бы ношение более одного камня давало бы какие-то преимущества. Но нет никакой разницы в том, сколько на тебе камней, один или сотня.

– И что? Разве этого не достаточно, чтобы они были у всех и каждого? Разве не поэтому за них дерутся?

– Камни огня под этими горами в изобилии, но они не бесконечны. Для кого-то одного они представляют ценность, но в больших количествах предназначены не только для личного использования. Наши предки копили их, дарили своим жрицам, использовали для укрепления границ и создания тонирующих средств, подобных которым без камней огня никогда не было бы.

– Например каким? – спрашиваю я, засовывая камень обратно под рубашку.

– Таким, как Зелье жизни или восстанавливающее зелье, которое золотая королева принимала, чтобы пережить ущерб, нанесенный при сотворении проклятия. Как токсин, который вводят тем детям, чтобы украсть их силы. В качестве усилителя магия одного драгоценного камня служит нам сотни лет, но для этих зелий и тоников нужны сотни камней, а использовать их можно только один раз. По-хорошему, за последние два десятилетия запасы королевы должны были истощиться, но она проявила бдительность и прикладывает усилия, чтобы собрать больше камней. – В его глазах вспыхивает гнев. – Ей мало того, что доступно на ее стороне горного хребта, поэтому она собирается продолжить

начатое ее дедом. Он развязал Великую войну фейри, чтобы объявить сторону Гоблинских гор, которая сейчас принадлежит Неблагим, территорией Благих фейри.

– Он не хотел, чтобы у фейри теней был доступ к камням огня.

Миша кивает.

Он поворачивает голову к яркому солнечному свету, и его глаза темнеют.

– На протяжении поколений правители Благого двора посылали свои армии сражаться за земли к востоку от Ледяной реки, которая пересекает горный хребет посередине. Они считали, что могут претендовать на эту землю как на свою собственную. Бесчисленное множество золотых фейри погибло, пытаясь достигнуть этой цели, и бесчисленное множество фейри теней погибло, защищая эти земли. А теперь мои источники сообщают, что история повторяется. Боюсь, на этот раз Двор Луны слишком слаб, чтобы защитить свою территорию.

«Арья всегда была такой – такой холодной и бессердечной? Или отказ Оберона каким-то образом ее сломал?»

– Возможно, какую-то роль сыграло и то и другое, – говорит Миша, отвечая на мой незаданный вопрос, и на этот раз я даже не жалею о том, что он без спросу читает мои мысли. – Она самая молодая правительница своего королевства. Ей не нужно было позволять занимать престол.

Я качаю головой:

– Война, камни огня, королева... а какое отношение это все имеет ко мне?

– Только у тебя есть власть и над Себастьяном, и над Финном. Только у тебя есть сила короны Неблагих. Ты могла бы стать ключом к объединению дворов и помочь защитить будущие поколения. Если ты поможешь мне, поможешь им, мы сможем...

– Нет. – Мой стул скрипит, когда я отодвигаю его и вскакиваю на ноги. – Я больше не позволю собой манипулировать.

– Тобой никто не манипулирует. Я прошу тебя о помощи. Ты думаешь, что все дело в силе. Думаешь, что что бы ты ни сделала, таким, как ты, это не поможет – фейри, которые являются жертвами обстоятельств.

– Прочь из моей головы, – рычу я.

Меня трясет от злости. Как же я устала, что меня используют, чтобы эти порочные мужчины и их спутанные между собой дворы могли получить власть, которую так жаждут.

– Абриелла, я должен показать тебе кое-что еще. – Он вытягивает руку, и другой ястреб пикирует вниз и садится ему на руку. – Здесь есть на что посмотреть. Разве ты не хочешь узнать, что произошло после того, как трон отверг Себастьяна?

Я качаю головой:

– Нет. Не хочу. Мне плевать. Хватит с меня политики фейри. Пусть хоть весь мир уничтожают, мне все равно. Раз-

бирайся с этим без меня.

Я разворачиваюсь на каблуках и несусь обратно в свою комнату, хотя на самом деле она не моя. У меня ничего нет, и мне некуда идти.

* * *

Я солгала Мише.

Я сказала, что мне плевать, хотя оба мы знаем, что это неправда. Мне не плевать, больше, чем я могу это признать. Моя проблема заключается в моем недоверии – потому что я не доверяю ни Мише, ни Финну, ни чувствам, которые испытываю благодаря узам, заключенным с Себастьяном. Я не доверяю никому и ничему и планирую, чтобы в ближайшее время все оставалось именно так.

К сожалению, в отличие от Миши я не умею читать мысли и узнавать истинные намерения людей.

Поскольку я точно не знаю, как работает сила Миши, я не могу шпионить за ним с помощью своих теней. Насколько я поняла, он почувствует мои мысли, что сделает мою способность прятаться в тенях бесполезной.

Как только он сказал, что Финн хотел помочь простым жителям Неблагого королевства, я почувствовала, что мой гнев сходит на нет и я начинаю слушать его более внимательно. Затем он заговорил о защите будущих поколений, и я поняла, что меня разыгрывают. Миша ничем не отличается от

других – говорит мне именно то, что мне нужно услышать, чтобы заставить меня действовать именно так, как он хочет.

Но я больше не позволю, чтобы со мной играли. Доверять можно тому, что нельзя доверять никому.

Я падаю на кровать, даже не потрудившись снять сапоги, и пытаюсь обдумать ситуацию. Отчасти мне хочется узнать, в чем заключается план Миши. Я хочу узнать, как можно помочь Финну и Себастьяну избежать еще одной войны, которая дорого обойдется ее участникам, и что я могу сделать, чтобы удержать королеву от притязаний на еще большую власть. У меня в сознании вспыхивает образ этого ужасного «лагеря», и при воспоминании о детях в клетках меня накрывает волной гнева.

Я кричу, уткнувшись лицом в подушку. Мне некуда идти, так что если эта комната будет в моем распоряжении только если я буду помогать Мише, я не знаю, что мне делать. Мне просто нужно... время. Время, чтобы получить больше информации. Время, чтобы принимать собственные решения.

Может быть, за Мишей я шпионить не могу, но у Себастьяна таких способностей нет. Если я сольюсь с тенью рядом с ним, возможно, я смогу получить часть необходимой мне информации.

Я вскакиваю с кровати и бросаюсь к двери. Когда я открываю ее, Миша стоит с другой стороны, подняв руку, как будто он собирался постучать.

Я выпячиваю бедро и складываю руки на груди.

– Зачем стучать? Неужели ты не знала, что я подойду к двери?

Он опускает руку и засовывает ее в карман.

– Я не провидец.

– Это должно как-то меня успокоить?

– Я не пытаюсь читать твои мысли – ну, не каждый раз, – но иногда ты выплескиваешь их наружу. – Он вздыхает. – Я пришел извиниться за то, что на тебя давил. Моя жена была достаточно любезна, чтобы указать мне на мои ошибки. Тебе через многое пришлось пройти, и, как заметила Амира, никто на твоём месте не принял бы предложения помочь решить проблему, корни которой уходят вглубь веков.

Я опускаю плечи.

– Спасибо.

Я никогда не встречала Амиру, но она уже мне нравится. И не потому, что я доверяю ее словам, а потому, что это предлог, чтобы выиграть больше времени. Чтобы понять, кому можно доверять.

– А где она – королева? Я бы хотела с ней познакомиться.

Его брови удивленно приподнимаются – мой интерес к его жене, похоже, ему нравится, – но он качает головой:

– Боюсь, она уже уходит. Она собиралась провести вечер в поселении Неблагих в долине.

– Ясно. – Может быть, я пока не могу доверять Мише, но это не отменяет всего хорошего, что они с Амирой сделали, поселив здесь Неблагих беженцев. – Она проводит там много

времени.

– Не много. – Он пожимает плечами. – Ты явно только что собиралась уходить. Тебе что-нибудь нужно? Я могу тебя проводить – или тебя может сопроводить твоя служанка, если ты устала за вечер видеть мое лицо.

Я растягиваю губы в улыбке. Да, я могу быть горькой и ожесточенной, но, похоже, обаяние Миши действует и на меня.

– У вас во дворце есть гоблин? Я хочу повидаться с Себастьяном.

Его брови приподнимаются, но это единственный признак его удивления.

– Почему?

– Ну, я бы хотела... – Я прикусываю губу, пытаюсь придумать хороший способ объяснить, что мне нужно собрать как можно больше информации.

– А, – говорит Миша, и его губы растягиваются в улыбке. – Мы называем это «шпионажем».

Я бросаю на него свирепый взгляд.

Он усмехается.

– Прошу, не пойми меня неправильно. Я полностью одобряю это.

– Отлично. Я хочу шпионить. Я хочу посмотреть, что он делает теперь, когда понял, что не может сидеть на троне.

– Он поселился во дворце Неблагих. Ему удалось провести туда достаточное количество своих стражников, чтобы

Финн и его люди... на некоторое время эвакуировались.

– Хорошо, но я хочу знать, что он говорит, когда думает, что я не слушаю.

Миша кивает.

– Я пошлю Шторма.

Я качаю головой.

– Я хочу посмотреть сама.

Он складывает руки на груди.

– Ты забыла, что связана с Себастьяном узами? Что он всегда знает, что ты чувствуешь и где находишься?

– Нет. Я не забыла. Не смогу забыть. – Я прикасаюсь кончиками пальцев к вискам. – И здесь.

И я чувствую его, когда сворачиваюсь калачиком в постели, чтобы заснуть.

Но я не могу заставить себя признаться в этом.

– Ты говорил, что можешь научить меня блокировать...

– Это требует практики. И терпения – и большого количества энергии, которой у тебя сейчас просто нет. Но обещаю, что завтра с утра я первым делом начну тебя учить.

Он прав. Я встала с кровати всего пару часов назад, а уже устала и с нетерпением жду возможности снова забраться под одеяло. Но со сном приходят сны, а во сне я рискую открыться Финну или Себастьяну.

– Завтра, – говорит Миша. – После того как ты выспишься и у тебя будет возможность переварить то, что мы сегодня обсуждали, мы можем попрактиковаться в блокировании.

Но с одной оговоркой: большинство связанных пар могут чувствовать присутствие друг друга тем сильнее, чем ближе они находятся. Даже после многих лет тренировок есть вероятность, что если шпионить за тем, с кем ты связан узами, он тебя заметит.

Я киваю:

– Хорошо.

Даже если я никогда не смогу шпионить за Себастьяном, я хочу научиться всему, чему Миша может меня научить. Все время чувствовать Себастьяна очень утомительно. Не уверена, что смогу сдержаться, если прямо сейчас дверь откроется и он войдет в комнату, – и не броситься к нему в объятия.

– Что касается сегодняшнего вечера, – говорит Миша, – хочешь, я покажу тебе мой дворец?

Хочу. Никогда не видела ничего подобного. Это место просто дух захватывает, а ведь я видела Замок Гор только мельком. Но не так я хочу провести этот вечер.

– Можно, я пойду с Амирой? В... лагеря? – Я прикусываю губу. Я хочу быть уверенной, что Миша – хороший мужчина. Но мне нужно знать это для себя или для тех, кто не может себя защитить?

– Я не уверен, что это возможно, – говорит Миша. Он замолкает и долго стоит с отрешенным взглядом. Я задаюсь вопросом, не пытается ли он заставить меня изменить решение и сказать, что мне не нужно идти.

– Если ты пытаешься что-то скрыть...

Неожиданно он кивает и улыбается мне.

– Амира все еще в конюшнях. Она сказала, что подождет, и мы сможем поехать все вместе.

Я хмурюсь и оглядываю комнату.

– Ты сейчас... разговаривал с ней?

Его улыбка становится шире.

– О да. – Он постукивает себя по виску, как будто это все объясняет, затем говорит: – Ты можешь ехать так или тебе надо переодеться?

Я смотрю на свои кожаные штаны и ботинки:

– Могу так.

– Хорошо, – кивает он, уже поворачиваясь и направляясь к лестнице. – Амира говорит, чтобы я захватил плащ. К тому времени как мы вернемся, уже стемнеет, а когда сядет солнце, станет прохладно.

Я замечаю черный плащ, висящий у двери, хватаю его, а потом бегу за Мишей. У него такие длинные ноги, что к тому времени, как я догоняю его, он уже успел дойти до лестницы.

– Я смогу делать то же самое с Себастьяном?

Не уверена, как отнеслась бы к этому. С одной стороны, это все, что я могу сделать, чтобы игнорировать постоянный гул его эмоций, постоянно стучащий по моему сознанию. С другой – было бы здорово иметь возможность поговорить с кем-то, не находясь при этом с ним в одном помещении.

Миша качает головой:

– Я не знаю, какие способности у золотого принца, и не

знаю масштабов твоей силы. Но, насколько мне известно, вы двое не можете говорить телепатически.

– Значит, то, как работают узы, зависит от чьих-то способностей?

Спустившись с лестницы, Миша поворачивает налево, выводя меня из дворца на другую лестницу. Я понимаю, что все эти ступеньки вырезаны в самой горе. Как будто Замок Гор построен на самой высокой точке в этом районе Земель Диких фейри и чтобы добраться куда-то за его пределами, нужно спуститься с него.

Миша смотрит на меня и наклоняет голову.

«Это возможно не благодаря узам, – говорит он в моем сознании так ясно, как если бы он произносил эти слова вслух. – Это мой дар. Как и возможность услышать твой ответ».

– Ой. Это... – На ум приходит слово «жутко», но я слишком воспитанна, чтобы произнести его вслух.

Миша усмехается: он все равно его услышал.

– А мне любопытно, – говорит он. – Вчера казалось, что ты хочешь отключить эмоциональную связь между тобой и Себастьяном, а сейчас спрашиваешь, как можно сделать ее более... точной... Как можно общаться с ее помощью.

Я пожимаю плечами:

– Ты не можешь винить меня в моем любопытстве.

– Но какого толка это любопытство? Ты хочешь от него отгородиться или иметь возможность свободно общаться с

ним?

Мне очень хотелось заявить, что я совершенно точно хочу от него отгородиться – и никогда больше не знать, о чем он думает или что чувствует, никогда его не видеть и никогда не думать о его лице. Но я понимаю, что это говорит мое разбитое сердце.

– Думаю, и то, и то, – задумчиво говорю я. – хочу иметь возможность отгородиться от него по своему желанию, но я признаю, что меня заинтриговала возможность общаться с кем-то, не разговаривая. Для меня это значит иметь выбор. Я хочу сама контролировать свой разум и чувства.

– Справедливо, – кивает он.

Я выпрямляюсь и вынуждена сдерживать улыбку, когда мне в голову приходит еще одна мысль.

– А на каком расстоянии работает твой дар?

– Это зависит от обстоятельств. Если разум, к которому я подключаюсь, слаб или сделал выбор намеренно усилить нашу ментальную связь, я могу мысленно говорить на одном конце двора, и меня будет слышно на другом. Но если я пытаюсь прочесть мысли защищенного разума, я должен находиться в той же комнате, и даже это не сработает, если человек хорошо тренировался.

– А как насчет людей?

Миша ухмыляется.

– Мысли людей, как правило, легко читать.

– А не мог бы ты... не мог бы ты, пожалуйста, узнать, как

моя сестра? Убедиться, что с ней все в порядке?

Он качает головой:

– Боюсь, моя сила не работает между королевствами.

– Ясно. Конечно.

Я внимательно рассматриваю свои сапоги, покрытые тонким слоем пыли.

– Я могу послать Шторма, чтобы ты могла сама ее увидеть.

Мне не нравится, что кто-то из его созданий будет шпионить за моей сестрой. Наверное, мое недоверие отразилось на моем лице, потому что он добавляет:

– Если ты не доверяешь тому, что видишь его глазами, можно отправить письмо через моего гоблина.

– Правда?

– Я буду рад это сделать. Я знаю, каково это – быть разлученным с младшим братом или сестрой.

На его лице появляется грустная улыбка.

– Спасибо тебе большое. В теории я понимаю, что с ней все в порядке, но сейчас, когда я фейри... – Я пытаюсь подобрать слова, но глаза начинает щипать, и мне приходится сглотнуть, чтобы сдержать внезапные непрошенные слезы. – Когда я навещала свою сестру с Себастьяном, мне и в голову не приходило, что, возможно, я вижу ее в последний раз.

– Ты хотела бы привезти ее сюда?

Да, пожалуйста.

Я едва не произношу эти слова, но сдерживаюсь. Больше всего на свете я хочу, чтобы Джас была рядом со мной. Но

я не могу. Я никогда не забуду ужаса в ее глазах, когда я предложила ей вернуться в королевство Фейри. Что бы она ни пережила, находясь в плену у Мордеуса, это не прошло бесследно, и теперь моя жизнерадостная, доверчивая сестра боится всех фейри. Я не отниму у нее возможности выбора, как Себастьян отнял эту возможность у меня.

– Нет, – наконец говорю я. – Нет. Она там, где хочет быть. Я отправлю ей письмо.

Не представляю, что я скажу ей, но я найду способ поговорить с ней так, чтобы она обо мне не беспокоилась.

Миша замедляет шаг, а потом мы и вовсе останавливаемся. Когда он поворачивается, чтобы посмотреть на меня, на его лице такое искреннее сострадание, что мне приходится на мгновение отвернуться от него, чтобы взять себя в руки.

– Так будет не всегда, – мягко говорит он. – Ты знаешь, что такое одиночество, но когда-нибудь... Обещаю, когда-нибудь это будет не так.

Я внимательно изучаю свои сапоги.

– А я думала, ты не провидец.

– Нет. Но я очень, очень стар, и я могу распознать добрую душу. Добрые души никогда не остаются в одиночестве надолго.

Он сжимает мое плечо, а затем я слышу звук его удаляющихся шагов.

Глава 7

Я молча иду за Мишей. Мне стыдно, что я позволила эмоциям взять над собой верх. Когда мы входим в конюшни, я уже достаточно овладела собой, чтобы расправить плечи и поднять подбородок.

– Это Амира, – говорит Миша, указывая рукой в сторону высокой женщины, седлающей лошадь.

Улыбнувшись мне через плечо, его жена затягивает ремни и поворачивается ко мне. Не уверена, что удивляет меня больше: то, насколько искренней кажется ее улыбка, или то, что она сама седлает свою лошадь.

Она высокая – такая же высокая, как Миша, – с нежными карими глазами и темной, как ночное небо, кожей. Ее темные волосы коротко подстрижены, в стиле, который привлекает внимание к ее большим глазам и блестящим аметистовым серёжкам, обрамляющим ее изящно заостренные ушки.

Я делаю шаг вперед и протягиваю ей руку:

– Я Абриелла. Приятно познакомиться.

Она берет мою руку в обе свои.

– Очень рада, – говорит она низким мелодичным голосом. – Финн и Прета столько о тебе рассказывали.

Я напрягаюсь, думая о ее визите в дом Финна – еще до того, как я поняла проклятие и до того, как я узнала, что и Финну, и Себастьяну нужна корона, – и узнала, что ее ношу

я.

– Рада видеть, что ты в порядке, – говорит она, с почтением наклоняя голову. Это меня удивляет. Она королева Диких фейри. А я всего лишь фейри, которая совсем недавно была человеком, разрушившим будущее целого королевства. Если бы Оберон не спас меня...

Миша прочищает горло, и я вздрагиваю при напоминании о его дарах. С таким же успехом я могла бы носить свое убожество на груди, у всех на виду.

– Ты уверена, что не против, чтобы я сегодня была с тобой?

Глаза Амиры загораются.

– Я с удовольствием с тобой покатаюсь, а ты сможешь увидеть часть наших земель.

– Спасибо, – говорю я.

– Выбери лошадь, Абриелла, – произнес Миша, указывая обеими руками в направлении стойл. – Наши конюхи ушли на обед, но если будет нужно, мы можем помочь тебе с седлом.

Здесь десятки лошадей, но одна черная кобыла при моем приближении встряхивает своей шелковистой гривой с серебристыми прожилками, словно пытаясь привлечь мое внимание.

– Две Звезды, – говорит Амира, закидывая на плечо седло и направляясь ко мне.

– Красивая, – говорю я, глядя кобылу по носу.

– Она очень особенная и знает об этом, – говорит Миша, седлая своего коня, на которого я бы не смогла взобраться без лестницы.

Амира поднимает защелку и открывает стойло.

– Ее назвали так из-за серебристых отметин на ее задних ногах. Таких, как она, очень мало, все происходит от одного коня – и являются потомками жеребца королевы Мэб.

Во второй раз за сегодняшний вечер я слышу имя королевы фейри из старых легенд.

– А королева Мэб... правда существовала? – спрашиваю я, помогая Амуре надеть седло и уздечку. Я делаю это только по памяти, стараясь повторять то, что делали конюхи Себастьяна. Но Амира спокойно показывает мне, что и в каком порядке делать.

– О, существовала, и еще как, и была очень любима своим народом, – говорит Миша. Он седлает свою собственную лошадь бессознательными движениями человека, который делал это тысячи раз. Учитывая, сколько им лет, вероятно, так оно и есть.

– Ее потомки сидели на Троне Теней до того, как его занял дедушка Финна.

– Семья Финна... свергла их? – спрашиваю я.

Амира поджимает губы и качает головой. Ее карие глаза полны грусти, когда она говорит:

– Дед Финна Кайрин был парой последнего живого потомка Мэб, королевы Рие, и сел на трон после того, как она была

убита.

Как все удобно сложилось.

– Кайрин был привязанным своей королевы, – говорит Миша, выводя свою лошадь из стойла. – Он был ее суженым и умер бы за королеву Рие и любого из ее наследников.

Я склоняю голову, стыдясь своего предположения.

– Все в порядке, – говорит Амира, касаясь моей руки. Ее нежная улыбка успокаивает меня, хотя у меня такое чувство, что ее дары позволяют ей подстраиваться под мои эмоции. – Учитывая, что ты видела о нас, фейри, неудивительно, что ты сразу предполагаешь худшее. Но пресечение рода Мэб стало катастрофой для любого жителя этого королевства, который не хотел видеть, как Двор Солнца расширяется за пределы своих границ.

– Так вот почему фейри начали заводить детей с людьми? – спрашиваю я. – Чтобы иметь больше наследников? Чтобы линии не обрывались так легко?

– У Мэб было много детей – от людей и от фейри, – говорит Миша. – И у ее детей были дети, и у их детей тоже. Род была благословлен плодовитостью.

Я хмурюсь:

– Тогда что с ними произошло?

Амира долго смотрит мне в глаза, и я практически вижу в ее глазах невероятную боль, когда она говорит:

– Их убили золотые фейри. Всех до единого. Даже детей.

Мы едем в нескольких милях от дворца по горной тропе – каменистой, поросшей лесом и такой крутой, что от усилий, которые я прилагаю, чтобы удержаться на лошади, у меня болят бедра и поясница. Каждый раз, когда меня накрывает очередная волна усталости, я удивляюсь, почему я не отдыхаю в своей постели во дворце. Я не знаю, как решить, кому в этом королевстве можно доверять, но знаю, что о человеке многое может сказать то, как он обращается с теми, кто слабее его и кому нечего ему предложить. Сегодня вечером я много узнаю о приютивших меня фейри.

Во время спуска с горы король и королева постоянно называют лагерь фейри теней «поселениями», но я понимаю почему, только когда мы приезжаем туда. То, что они устроили для Неблагих беженцев, больше похоже на маленькую деревню, чем на временный лагерь.

Я ожидала увидеть примитивные условия, но маленькие хижины с соломенными крышами, которые аккуратными рядами стоят по обе стороны дороги, выглядят намного лучше, чем «адекватные» условия, про которые говорил Миша.

Когда дорога упирается в другую, Миша спешивается и помогает спуститься с лошади сначала своей жене, а потом и мне. наших лошадей уводят два улыбающихся мальчика с крошечными рожками и длинными темными волосами. Ка-

жется, мы находимся в здешней зоне общего пользования. Тут есть павильон, уставленный столами – наверное, это общая столовая, – за ним игровая площадка, где трое детей играют в мяч.

– Вот это наша школа, – говорит Миша, ведя меня через павильон к ряду зданий на другой стороне площади. Они сделаны из камня и выглядят очень старыми. – Там же находится лазарет. Там же мы проводим прием новых жителей, так как очень многим из них нужна помощь целителя.

– Там они воссоединяются со своими родителями? – спрашиваю я.

На лице Миши мелькает что-то, похожее на грусть.

– Только если нам очень повезет.

– Это поселение – одно из многих на наших землях, – объясняет идущая позади меня Амира.

Обернувшись, я вижу, что перед ней выстроилась очередь детей, а она присела на корточки и обнимает их одного за другим. Это зрелище напоминает мне моего первого школьного учителя в Элоре, еще до пожара, когда с моей семьёй ещё было все в порядке. Миссис Беннетт была милой и доброй, и каждый раз, когда мы с друзьями замечали ее за пределами школы, мы наперегонки мчались к ней, чтобы ее обнять.

Отправившись сюда, я хотела понять, можно ли доверять этой паре, и если бы Амира знала это и все спланировала, она бы не смогла показать мне ничего лучше. Но это не постав-

ленное представление. Эти дети не притворяются. Я вижу, что королева Диких фейри проводит здесь много времени, а они действительно рады ее видеть. Она не торопит их, но каждому из них уделяет время, вознаграждая их за их ожидание.

Миша подходит ко мне.

– Когда мы открываем порталы, чтобы доставить сюда беженцев, наша цель – вывести их из земель Благих, – говорит он. – Только после того, как они оказываются в безопасности, мы начинаем воссоединять семьи. Однако это требует времени, и часто дети слишком больны, чтобы сразу отправиться в путь.

– Почему беженцев нельзя поселить в одном поселении?

Миша качает головой:

– Это глупо.

Амира обнимает последнего ребенка, затем улыбается мне, как будто пытается смягчить резкий ответ своего мужа.

– Во многих отношениях так было бы проще, – говорит она, вставая и присоединяясь к нам, – но тогда золотой королеве было бы очень легко атаковать поселение. У нас есть стражники, которым поручено организовать связь между поселениями и вести журналы учета их жителей. Воссоединение – это всегда цель, но это не всегда возможно.

Маленький мальчик, который несколько минут назад обнимал Амиру, рассказывает взад-вперед между нами и павильоном. Его маленькое личико нахмурено.

– Некоторые из них потеряли родителей, – мягко объясняет Миша. – А многие взрослые называют нам вымышленные имена. Проведя столько лет под властью Мордеуса, они с трудом могут кому-то доверять. На их долю выпало бессчётное множество испытаний.

Я с трудом сглатываю, представляя, как все сироты гадают, живы ли их родители. Я знаю, каково это.

– Вон там рынок, – говорит Миша, указывая на виднеющийся вдалеке ряд киосков. – Он открывается каждое утро и закрывается с восходом солнца. Торговля идет нормально, а арендная плата, которую мы берём с торговцев, покрывает часть расходов на обустройство беженцев.

– Советую как-нибудь вернуться сюда и сходить на рынок, – говорит Амира. – Вне зависимости от того, ценишь ты искусство и ремесла или нет, здесь можно найти что-то на свой вкус.

Женщина с красивой, с золотистым отливом, кожей и коротко остриженными белыми волосами подходит к нам и при виде Миши и Амиры приседает в низком реверансе.

– Ваши Величества.

– Лета, это наша гостья, Абриелла, – говорит Миша. – Абриелла, я хочу познакомить тебя с Летой.

– Рада познакомиться, – говорит Лета, склоняя голову.

– Рада встрече, – говорю я, неловко переминаясь с ноги на ногу. Большую часть жизни я провела в тени, стараясь не привлекать внимания. От отношения горничных в Золотом

дворце мне всегда было не по себе, – и здесь это не изменилось.

– Лета управляет здешним лазаретом, – объясняет Амира. – Многие прибывают из лагерей Арьи ранеными, и Лета ухаживает за ними, пока они не выздоровеют. Нам с ней очень повезло.

Щеки Леты вспыхивают румянцем.

– Благодарю вас, Ваше Величество. Для меня большая честь служить вам. – Она сглатывает. – Я не хочу прерывать экскурсию леди Абриеллы, но если у вас есть минутка, вы должны кое-что увидеть.

Миша и его жена обмениваются взглядами, а затем он кивает:

– После вас.

Лета ведет нас в лазарет. Вслед за ней мы проходим в каменное здание и идем в комнату в задней его части. Там стоит ряд кроватей, на которых спят дети.

Миша смотрит на них и хмурится.

– Неужели заболело так много детей? – спрашивает он.

Лета качает головой.

– Мы не знаем, что это такое. Они как будто спят, но... – Миша выжидающе смотрит на нее, и она поднимает ладони. – Их дыхание замедленно, температура тела низкая, как будто они впали в какую-то странную спячку.

– Это заразно? – спрашивает Миша. – Распространяется?

– Только среди детей. Первые были доставлены вчера, еще

двое – сегодня утром. Ни у кого из взрослых признаков болезни нет.

Амира подходит к одной из кроватей в центре ряда, где, свернувшись калачиком, спит маленький мальчик с короткими темными волосами. Если бы не объяснение Леты, я бы подумала, что он – и остальные дети – крепко спит.

Эти дети отличаются от тех, что Ларк показала мне во сне, но я не могу игнорировать сходство и все еще не понимаю, что она пыталась мне сказать.

«Они ищут тебя. Тебе нужно вернуться домой».

Она хотела сказать, что это будет мой дом? Тогда почему образ, который она мне показала, так отличается?

Амира убирает волосы мальчика со лба.

– Привет, малыш.

– Это Кейл, – говорит Лета. – Ему три года. Он прибыл в поселение со своей старшей сестрой около месяца назад.

– Как его сестра? – спрашивает Миша.

– Кажется, она в порядке. Конечно, она беспокоится о своем брате, но у нее нет никаких признаков болезни.

Амира опускается на колени, чтобы ее лицо было на одном уровне с лицом спящего мальчика.

– Кейл? Ты меня слышишь?

– Мы перепробовали все, что могли, – говорит медсестра. – Возможно, это какая-то странная болезнь, но я никогда не видела, чтобы дети спали так крепко и так долго.

Амира в последний раз гладит мальчика по волосам и

встает на ноги.

– Я чувствую его, – говорит она. – Ему не больно. Но это странно. Я никогда ничего подобного не чувствовала. Держите нас в курсе, хорошо?

Лета кивает:

– Конечно. Простите, что беспокою вас, и спасибо, что уделите время.

– Не за что извиняться, – говорит Амира, беря одну из рук Леты в свои.

Плечи Леты заметно опускаются, и ее дыхание выравнивается.

– Спасибо, – выдыхает она.

Снаружи кто-то начинает кричать.

Миша и Амира выбегают из лазарета, и я следую за ними. Хмурый маленький мальчик, которого я видела раньше, стоит на улице и визжит, как будто на него напали. В тот момент, когда я вижу его, его ужас захлестывает меня, как будто его испытываю я.

Амира опускается перед ним на колени и заключает его в объятия. Он продолжает кричать, но утыкается лицом ей в грудь, как будто ищет там утешения.

Фейри вокруг нас оглядываются на них, но, похоже, не особенно встревожены вспышкой гнева ребенка.

Амира не берет его на руки, не говорит ему замолчать. Она нежно гладит его по спине, пока он визжит и кричит.

Я чувствую, как мои мышцы цепенеют от страха, и мне

кажется... что я беспомощна. Совершенно беспомощна при виде душераздирающих криков этого ребенка.

– Что я могу сделать? – спрашиваю я Мишу.

Он кладет руку мне на плечо, и Амира встречается со мной взглядом и едва заметно качает головой.

Ничего.

Я могу сделать – ничего. Как и всегда.

Я делаю шаг в сторону. Если я ничего не могу сделать, по крайней мере, я могу не мешать.

Мальчик, наконец, перестает кричать, и когда наступает тишина, страх в моем теле исчезает, будто его никогда не было. Амира берет его на руки, прижимает к себе и встает на ноги.

– Сейчас вернусь, – говорит она мне одними губами.

Я киваю и смотрю, как она несет мальчика в коттедж, расположенный через несколько дверей отсюда.

– Что с ним? – спрашиваю я.

– Нам удалось спасти нескольких детей до того, как их отправили в лагерь, – говорит Миша, провожая ее взглядом. – Мы всегда стремимся к этому: найти их, когда они пересекают границу, открыть портал и доставить их сюда, в безопасное место, пока их не схватили стражники Арьи. Но и Мордеус, и королева наблюдали за нами. Мордеус не хотел, чтобы его подданные покидали его королевство, а королева хотела, чтобы любой фейри теней, которого поймают на ее землях, либо работал в ее лагерях, либо был мертв. Наши

попытки организовать процесс на каждом шагу подрывались необходимостью соблюдать секретность. – Он кивает в сторону дома, куда зашла Амира с ребенком. – В конечном итоге слишком много детей провело в лагерях недели до того, как мы смогли их забрать, а некоторые так и не оправились от пережитого.

– Что она с ними сделала? – спрашиваю я.

Он качает головой:

– Всего мы не знаем. Но мне известно, что она отправляла их в шахты.

– В шахты?

Он долго смотрит на меня, и мне интересно, читает ли он все мои мысли, видит ли всю мою душевную боль за эти разделенные семьи.

– Я говорил тебе, что можно найти в недрах Гоблинских гор.

– Камни огня, – шепчу я.

Миша раскачивается на пятках, скрестив руки на груди.

– Она двадцать лет отправляла детей Неблагих в эти шахты. Если бы она не пополняла свой запас камней, цена ее проклятия убила бы ее задолго до того, как ты его сняла. Она утверждала, что захватывала Неблагих в плен в качестве предупреждения – что она пыталась удержать их подальше от ее земель, защитить свой народ... но правда заключается в том, что эти дети были нужны ей, чтобы добывать камни огня – чтобы она могла пережить проклятие.

– Но почему дети Неблагих? – спрашиваю я. – Потому что они маленькие? Разве они не беззащитны?

– Дело не только в том, что дети маленькие, хотя это помогает. А в том, что у молодых фейри есть врожденная способность ощущать в породе камни огня. Это чувство с годами исчезает. А почему Неблагие? Возможно, из-за их даратмы, или, возможно, потому, что ее сердце наполнено мерзкой ненавистью. Некоторые так и не вернулись, а те, кто вернулся... – Он качает головой и произносит остальное прямо в моем сознании.

«Большинство взрослых погибло бы, столкнувшись с ужасами недр этих гор».

Я почти боюсь спрашивать, но остатки детского страха все еще цепляются за меня.

– И что же там? Что живет в той темноте?

– Чудовища, обитающие в недрах Гоблинских гор... нельзя получить доступ к великой силе, не преодолев великие ужасы.

– Но она не преодолевала их. Она заставила детей делать это за нее, – мрачно говорю я, и ярость закипает в моей крови. В королевстве смертных детей обманом заставляют заключать контракты, которые обрекают их на рабскую жизнь, а здесь детей отправляют под землю, чтобы они столкнулись с непостижимыми монстрами. Неужели так неразумно полагать, что сильные мира сего должны защищать тех, кто наиболее уязвим?

Может быть, Миша манипулирует мной в своих собственных политических интригах. Может быть, я действительно никому не могу доверять в этом мире. Но страх этого ребенка был реальным, и я сделаю все, чтобы помешать золотой королеве получить больше власти и эксплуатировать больше детей. В человеческом мире я всегда хотела иметь хоть какую-то возможность защищать слабых и уязвимых – я все еще думаю о той стопке контрактов в хранилище Крейтона Горста. Здесь я действительно могу это сделать – и я отказываюсь упускать эту возможность только из-за того, что у меня разбито сердце.

– Она отправляла туда детей, – снова говорю я. – Приносила в жертву детей.

– Да, – серьезно говорит Миша.

– Смерть для нее – слишком хороший исход, – выдыхаю я, даже не подумав.

Но Миша улыбается:

– Конечно, это так.

Выдыхая, он качает головой, как будто прогоняя какой-то навязчивый образ.

А что она может сделать, если ей удастся расширить свою территорию на земли Неблагих? Что может случиться с детьми на этих землях, если ее жадность не сдержать?

Я хмурюсь.

– Похоже, все подозревают, что королева убила своих родителей. Я никогда этого не понимала.

Миша мычит, его глаза расширяются, он почти заинтригован. Но отвечает он очень уклончиво.

– Это ведь неправда, да? – спрашиваю я. – Мне сказали, что корона не может перейти наследнику, если наследник совершил ради нее убийство. Итак, если это правда, то как Арья получила корону?

– Вот в чем вопрос, – говорит Миша. – И многие верят, что если бы мы нашли ответ, мы бы узнали, какое у Арьи слабое место, – он пожимает плечами. – Я почему-то сомневаюсь, что ей просто повезло.

Я с трудом сглатываю.

– Надо было убить ее, когда была возможность.

Он качает головой:

– У тебя ее никогда не было, Абриелла. Не позволяй кратковременной близости одурачить тебя. Она никуда не выходит без дюжины самых сильных и яростно преданных стражников. Если бы ты попыталась сделать это, особенно будучи человеком, ты бы потерпела неудачу.

Я вздыхаю. Может быть, мне не следует находить это утешительным, но я нахожу.

– Пойдем со мной.

Он ведет меня через несколько дверей к школе, на которую указывал ранее. Ее двери распахнуты настежь, и на маленькой клумбе перед входом играет кучка детей.

Внутри дюжина стульев обращена к большой классной доске, а в углу за большим письменным столом, обращенным

к комнате, сидит седовласая женщина.

Она встает, когда видит Мишу, и он машет ей рукой.

– Привет, Делла. Мы пришли посмотреть на детские рисунки.

– Конечно, приходите в любое время.

Ее щеки ярко-розовые, как будто одно его присутствие вызывает одновременно и радостный подъем, и смущение. Кажется, она не может смотреть мне в глаза, но я не думаю, что это потому, что ей не разрешают. Я думаю, она просто благоговеет перед королем Диких фейри.

Он кивает на стену за столами, где висят картины всех форм и размеров. Я подхожу ближе, очарованная тем, что вижу. Рисунки семей, звездного ночного неба, гор, рек и цветов. Но на тех, от которых я не могу отвести глаз, изображены чудовища – безглазые и острозубые звери, которые кажутся примитивными, но в то же время выглядят так, как будто могут выйти из рисунка в реальный мир.

– Это Абриелла, – говорит Миша, и я заставляю себя отвести взгляд от рисунка и повернуться к ней, чтобы поздороваться.

Женщина делает шаг вперед и протягивает руку:

– Всегда рада познакомиться с другом Миши.

– Это не просто друг, – говорит Миша. – Это она убила Мордеуса.

Глаза учительницы расширяются.

– О господи! Я и не думала... – Она опускается на одно

колени, все еще цепляясь за мою руку, и подносит костяшки моих пальцев к своему лбу. – Это такая честь. Спасибо вам, спасибо. Вы даже не представляете, что сделали для моего народа. Мы перед вами в неоплатном долгу. Пожалуйста, скажите, как я могу почитать вас сегодня и каждый следующий день.

– Я... – Я смотрю на Мишу, не зная, что сказать. Я думала, что приветствие Леты было неудобным, но это...

Миша пожимает плечами, как будто не несет ответственности за то, что поставил меня в это неловкое положение.

– Пожалуйста, встаньте, – говорю я. – Вы ничего мне не должны.

– Я обязана вам всем. Мордеус убил моих родителей, моих братьев, моего суженого и моего... – Тут у нее перехватывает дыхание, но я понимаю ее без слов. Мордеус – не просто причина, по которой ей пришлось оставить свой дом.

Он убил ее ребенка.

Стала бы она преклонять колени, если бы знала, что грядут новые волнения? Благодарила бы она меня, если бы понимала, что, выбрав путь, который позволяет мне стоять здесь, я обрекаю ее народ на такие же страдания? Возможно, на этот раз злодей будет другим, но если Трон Теней никто не займет, у Неблагого двора нет ни единого шанса против королевы.

– Он был чудовищем, – шепчет она.

– В этом мире много чудовищ, – говорю я, думая о суще-

ствах под теми горами, о королеве. – Я убила только одно из них, и хотя я рада, что он мертв, он не последний. Пожалуй-ста, встаньте.

Она неохотно повинуется, но ее голова остается опущенной.

– В пророчестве говорилось, что вы придете, но я не была уверена, что доживу до этого дня.

Я перевожу взгляд на Мишу.

«В каком пророчестве?»

«Я не совсем понимаю, что она имеет в виду. Возможно, это искаженная версия нескольких разных историй о смертных, рожденных, чтобы убивать злых королей».

Хм. Может быть, магия Миши и жутковата, но это удобно.

«Да ну?» – звучит в моей голове глубокий голос Миши.

Амира входит в здание школы и улыбается, когда замечает нас.

– Вот вы где.

– Все в порядке? – спрашивает Миша свою жену.

Амира кивает, и когда тишина затягивается, я понимаю, что они ведут безмолвный разговор между собой.

Делла наконец отпускает мою руку и отступает назад. Ее голова все еще опущена.

– Вам нужна помощь? – Я неловко переминаюсь с ноги на ногу, не уверенная в том, что предлагаю.

Делла наконец поднимает голову.

– Помощь с... что вы имеете в виду, миледи?

Миша и Амира уставились на меня, и я чувствую себя глупо, но продолжаю:

– В классе. Если вам когда-нибудь будет нужно, чтобы кто-то почитал детям или...

– О, вы не обязаны этого делать, – говорит Делла, но Миша говорит одновременно с ней:

– Это было бы потрясающе, Абриелла. Почему бы тебе не вернуться сюда завтра?

Щеки Деллы становятся ярко-красными, но она кивает:

– Это было бы для меня честью.

– Пойдем, Абриелла, – говорит Амира, выводя меня из здания. – Давай мы покажем тебе остальную часть поселения.

– Было приятно с вами познакомиться, – говорю я Делле через плечо.

– Это мне было приятно, миледи.

Я убегаю так быстро, как только могу.

– Им всегда нужна помощь в классе, – говорит Миша, присоединяясь к нам на улице.

Мы втроем идем вместе, и я пытаюсь дышать, но чем больше я думаю, тем меньше становятся мои легкие. Небо окрашено яркой пастельной радугой, которая тянется вслед за заходящим солнцем, но, как бы это ни было красиво, я бы хотела, чтобы здесь была ночь. Хотела бы видеть звезды.

– Она думает, что я ее спасла, – выпаливаю я, когда мы отошли на приличное расстояние от школы. – Но это ведь из-

за меня они пока не могут вернуться домой. Это я виновата в том, что их трон – все их чертово королевство – разрушено.

Амира останавливается передо мной, поворачивается и берет меня за руку.

– Абриелла, – говорит она, и с ее голосом, ее прикосновением мой гнев и отвращение к себе исчезают, а на смену им приходят тепло и... покой.

Мои глаза расширяются, когда я встречаюсь с ней взглядом, и она улыбается.

«Прекрасный дар, не правда ли?» – спрашивает голос Миши в моей голове, и я киваю, не думая о том, как странно это может выглядеть.

– Как ты думаешь, им было бы лучше, если бы ты оставила Мордеуса в живых? – спрашивает Амира. – Если бы ты никогда не пришла в наше королевство, пытаюсь найти сестру?

Я качаю головой. Я не могу думать о Джас. У меня никогда не было выбора, спасти ее или нет. Я просто должна была это сделать. Но то, что произошло после...

Амира по-прежнему смотрит мне в глаза.

– Никто не знал, что произойдет. Ты не виновата.

– Они хотят вернуться домой. Разве ты не чувствуешь этого? – Я с трудом сглатываю, даже не уверенная в том, что говорю. Я не понимаю этого чувства. До этого момента я даже не понимала, что чувствую это.

– Чувствую, – говорит она, склонив голову набок. – Но это мой дар. Я эмпат. Так ты тоже чувствуешь?

Она смотрит на Мишу, они обмениваются долгим взглядом, и она поворачивается ко мне.

– И что я чувствую прямо сейчас? – Она выдерживает мой взгляд, и когда я качаю головой, она берет меня за руку и прижимает мою ладонь к своей груди. – Ты чувствуешь меня?

– Нет. – Я снова качаю головой. – Прости. Я...

– Это сила Оберона, – говорит Миша. – Сила короны должна давать ей связь с ними.

– Это одна из теорий, – говорит Амира. Она секунду смотрит на заходящее солнце. – Мы должны возвращаться. Скоро станет холодно.

Когда мы забираем наших лошадей, я позволяю себе почувствовать эмоции, витающие в воздухе. Здесь есть душевная боль и одиночество, тоска по дому, но здесь есть и радость. Чувство безопасности.

Они в безопасности.

И это говорит о Мише и Амуре громче любых слов.

Пока конюх помогает мне сесть на лошадь, я ловлю себя на том, что думаю о Финне. Он Неблагодой. Значит ли это, что я могу чувствовать и его?

Интересно, удастся ли мне когда-нибудь это узнать.

Глава 8

Губы Миши мягко касаются костяшек моих пальцев, когда он останавливается у моей двери.

– Спи спокойно, принцесса, – говорит он, медленно опуская мою руку.

Стараясь не обращать внимания на неловкость, которую я чувствую от его жеста, я качаю головой:

– Не уверена, что у меня это получится. Столько всего крутится в голове. – Я всю обратную дорогу металась между осознанием того, что могу чувствовать Неблагих из поселения, своими собственными эмоциями и не покидающими меня чувствами Себастьяна. – Я поражена настолько, что не могу доверять даже собственным мыслям. Ты знал, что благодаря силе Оберона я могу вот так чувствовать Неблагих?

Он засовывает руки в карманы.

– Вообще нет, но я многого не понимаю в твоей магии. Я знаю одно: ты сильнее, чем думаешь. Сильнее, чем даже я мог предположить.

Я бросаю на него взгляд.

– Очевидно.

Он фыркает.

– А до чего скромно.

Я качаю головой:

– Я не это имела в виду. Моя сила досталась мне от Обе-

рона, от трона Неблагих. Я никем себя не возомнила. Просто я соглашаюсь с тем, что ничего не знаю о глубине и масштабах этой силы.

До сегодняшнего вечера я даже не знала, что у меня есть эмпатические способности, хотя, полагаю, я использовала их в лагерях королевы.

Миша хмыкает, делает шаг назад и оглядывает меня с головы до ног:

– Интересное предположение.

– Точное. Откуда еще она могла взяться?

– Честно? – Он делает глубокий вдох. – Я не знаю. Но пытаюсь в этом разобраться. Финн задавался тем же вопросом.

Услышав это имя, я расправляю плечи. Не могу думать о принце теней, не чувствуя, как грудь стягивает клубком противоречивых эмоций.

– Но он знал, – шепчу я. – Знал, откуда взялась моя сила.

– Он знал магию своего отца. Был хорошо с ней знаком. Так что он первый понял, что ты владеешь чем-то другим. Чем-то... большим.

Почему-то я в этом сомневаюсь. Я думаю, что так сильно удивляю их, потому что они не ожидали, что у девушки-человека в принципе будет какая-то сила. Но спорить мне не хочется.

– Я устала.

Он кивает.

– Я попросил Дженни приготовить тебе ванную. Она ждет.

– Спасибо. За это и за то, что взял меня с собой сегодня вечером.

– Я был только рад.

– Не уверена, что должным образом отблагодарила тебя за то, что ты позволил мне жить у себя, – говорю я, склонив голову. – Ты ничего не должен был для меня делать, но все равно сделал.

Он усмехается:

– У меня есть свои причины.

Уверена, так и есть. У них у всех есть.

– Спокойной ночи, принцесса.

Я вхожу в свою комнату, но задерживаюсь у порога и не закрываю дверь.

– Почему ты так меня называешь?

Глаза Миши загораются, и он ухмыляется.

– Только потому, что называть тебя королевой было бы неточно, – говорит он, затем поворачивается и исчезает в коридоре.

– Что за чушь, – бормочу я, отворачиваясь от двери. На кровати лежит свежая ночная рубашка, а воздух в комнате влажный от того, что в смежной комнате меня ждет теплая ванна.

Я быстро раздеваюсь, иду в ванную и погружаюсь в горячую воду, вздыхая, когда она обволакивает мои ноющие бедра. Когда все вокруг затихает, я так отчетливо чувствую Себастьяна – его горе и печаль, – что мне хочется плакать. Я

скучаю по нему. Скучаю по вере в то, что он любил меня, что я могла ему доверять.

В попытке не намочить волосы я собираю их так высоко, как только могу, но несколько прядей слишком короткие. Они выбиваются из узла и падают мне на лицо и шею. Локонны становятся более тугими от пара, поднимающегося от ванны. Я быстро моюсь, как будто, закончив с этой процедурой, смогу сбежать от эмоций и давящего одиночества.

Когда я надеваю ночную рубашку и ложусь под одеяло, через окна спальни проникают косые лучи света восходящей луны. На меня наваливается усталость, но каждый раз, когда я закрываю глаза и пытаюсь расслабиться, я представляю того маленького мальчика, кричащего посреди дороги, и его ужас, от которого стыла кровь в моих венах.

Понятия не имею, почему Миша думает, что из всех людей именно я смогу объединить разобщенный двор. Любая привязанность Себастьяна и Финна ко мне осложняется тем фактом, что у меня есть то, что нужно им обоим. Это не значит, что я смогу заставить их работать вместе или что у меня есть хоть какое-то представление о том, как это сделать. Но я не могу отрицать, что нельзя, чтобы королева осталась безнаказанной. Не после того, как я увидела эти лагеря. Не после того, как услышала, как тот маленький мальчик кричит от ужаса.

Так что, да, все мне не сделать. Да, я не могу восстановить разрушенное королевство или выступить посредником

в борьбе за власть, но я могу что-то сделать с этими лагерями. Знать бы только, где их найти. И это стоит того, чтобы попросить помощи у Себастьяна.

Я тереблю выбившуюся прядь волос у виска и улыбаюсь, когда свет играет на нитях гоблинского браслета, который мне дал Баккен. Десятки тонких серебристых нитей, не видимых никому, кроме меня, переливаются в лунном свете. Я вскакиваю с кровати и нахожу свой нож. Срезав острым краем прядь коротких локонов с затылка, я разрываю нить на гоблинском браслете.

Баккен появляется почти сразу. Это первый раз, когда я вижу его с той ночи во дворце Неблагих. Тогда – когда на моих руках все еще была кровь Мордеуса – мне пришлось отрезать все волосы до подбородка, чтобы заставить гоблина перенести меня в катакомбы Финна. Я надеюсь, что сегодня вечером он будет работать за меньшую плату.

– Огонек, – ухмыляется он мне. – Что у тебя для меня есть?

Я раскрываю ладонь, чтобы показать ему пучок коротких волос, которые я срезала со своего затылка.

Баккен хмурится.

– Не оскорбляй меня, Огонек.

– Я не хочу тебя обидеть, – говорю я. – Но это все, что у меня есть, а мне нужно попасть во дворец Неблагих.

– Я не работаю бесплатно.

– Считай это задатком, – выпаливаю я, затем сглатываю,

вынашивая план на месте. – Что скажешь, если за обратную дорогу я заплачу прядью волос принца Ронана?

Выпученные глаза Баккена прищуриваются. Его явно заинтересовало мое предложение.

– Как ты собираешься заполучить волосы принца?

– Предоставь это мне, – говорю я, немного запыхавшись. Думаю, это сработает. – Пожалуйста?

Только когда Баккен тянется к моему запястью, я вспоминаю, что одета только в тонкую ночную рубашку.

* * *

Баккен переносит меня прямо в слабо освещенную спальню и исчезает, прежде чем я успеваю полностью материализоваться. Это не та роскошно обставленная спальня, в которой я оказалась, пройдя через портал в королевском гардеробе. Из этой комнаты открывается вид на стремительную реку, текущую через горный перевал, но больше всего меня поражает не это.

А он.

Я чувствую Себастьяна, как будто он находится прямо в этой комнате.

– Абриелла!

Я поворачиваюсь на звук голоса Себастьяна. Он вскакивает с кровати. Прежде чем я успеваю сказать хоть слово или хотя бы собраться с силами, он заключает меня в объятия и

поднимает с пола. Он без рубашки, теплый, и было бы так просто раствориться в его объятьях. Не только потому, что мне не хватает его тепла и любви. Не только потому, что я одинока и не хочу жить в этом ужасном мире без него.

Я хочу раствориться в нем, потому что здесь, в одной комнате, эта связь – это не просто накал эмоций. Он словно моя половинка, а боль, которую он испытывает, просто невыносима. Она напоминает мне о том, что я чувствовала семь лет назад, о моем горе в те дни, когда я оправлялась от пожара. В ту ночь я чуть не умерла, но папа умер, и тяжесть этой потери постоянно давила мне на грудь и плечи, стискивала легкие, не давая дышать полной грудью.

Чувствуя это сейчас, видя, как страдает Себастьян, я больше всего на свете хочу облегчить его боль. Своим поцелуем. Своим телом. Сделать все, что угодно, лишь бы скинуть со своих плеч этот груз горя, вины и беспокойства.

Но я не могу. Вместо этого я прижимаю руку к его груди и отстраняюсь.

– Поставь меня на пол.

– Боги небесного и подземного мира, ты вернулась ко мне, – говорит он, утыкаясь носом мне в шею. Его губы касаются моей кожи, и это невероятное ощущение – гул осознания как моего собственного тела, так и его. – Я знал, что ты вернешься.

Я опасно близка к тому, чтобы раствориться от его прикосновений, и изо всех сил стараюсь себя контролировать.

– Поставь меня на пол, Себастьян. Сейчас же. – Темнота оглушительным грохотом наполняет комнату.

Себастьян повинуется и медленно опускает меня на пол. Я хватаюсь за контроль над своей магией, даже когда тьма рассеивается.

– Прости... – говорит он, изучая мое лицо. – Я просто... так волновался и так отчаянно скучал по тебе. Я пытался прийти к тебе во сне, но ты вытолкнула меня.

– Да. Потому что тебе туда нельзя.

Мне не нужно видеть его лицо, чтобы понять, что я причинила ему боль. Я чувствую это. Это все равно что каждым словом разбивать свое собственное сердце. Он качает головой, и боль утихает – все его эмоции ослабевают, как будто он каким-то образом подавил их или воздвиг перед ними стену.

– Я понимаю, почему ты злишься, – говорит он, – и я это заслужил, но...

– Я здесь не для того, чтобы говорить о нас. Я не прощаю тебя и пришла не для того, чтобы воссоединиться с тобой.

Его лицо бледнеет, и эти прекрасные глаза цвета морской волны становятся тусклыми.

– Я не хотел, чтобы все вышло вот так, – говорит он.

Я стискиваю челюсти. Я думала, что готова встретиться с ним лицом к лицу, что могу сосредоточиться на своей миссии, но это оказалось сложнее, чем я ожидала.

– У тебя был выбор. Ты мог мне сказать.

– Да? – спрашивает он. – И как бы ты отреагировала?

Если бы я могла, я бы с радостью отдала корону ему. Только вот... мне нужно было умереть или стать фейри, чтобы выжить. Правда заключается в том, что если бы я знала, что ему от меня нужно, я бы сбежала.

– Ты вообще любил меня? – спрашиваю я.

– Ты моя суженая, – говорит он, склоняя голову набок.

Я фыркаю.

– Судя по тому, сколько у тебя татуировок, ты, похоже, заключал узы со всеми, кто на это соглашался. Так что уж извини, я не считаю это символом твоей вечной любви.

Его глаза становятся холодными.

– Я хочу сказать, что, поскольку мы связаны узами, тебе не нужно спрашивать. Ты уже точно знаешь, что я чувствую к тебе.

Потому что я чувствую его в своей крови. Я чувствую его сердечную боль, его тоску и его любовь, даже сквозь тот щит, который он воздвиг, чтобы смягчить эти чувства.

– Как ты мог поступить так с той, кого любишь? – спрашиваю я, делая резкий вздох. Я не буду плакать. – Ты ждал, что я очнусь и скажу, что все в порядке? Думал, что я все пойму и радостно пойду на твою коронацию?

– Я ждал, что ты дашь мне возможность все объяснить. Так ведь обычно бывает, когда кого-то любишь. Но ты убежала. Как и всегда.

Я вздрагиваю, потому что он прав. Я сбежала каждый раз,

когда у нас были какие-то разногласия. Но это не значит, что он не должен отвечать за свои решения.

– Ты не можешь переложить это на меня. Ты предпочел корону моей жизни и расстроен, что я не задержалась, чтобы поболтать об этом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.